

ДРУГИЕ
МИРЫ

Соня Марей

ЗВЕРЬ-ИЗ-УЩЕЛЬЯ
БАСТАРД И ЖРИЦА

Другие миры (АСТ)

Соня Марей

**Зверь-из-Ущелья.
Бастард и жрица**

«Издательство АСТ»

2022

Марей С.

Зверь-из-Ущелья. Бастард и жрица / С. Марей — «Издательство АСТ», 2022 — (Другие миры (АСТ))

Я была рождена, чтобы стать жрицей, мужчины для меня – табу. Но одна случайная встреча перевернула мою жизнь. Он – суровый Зверь, опасный чужак, который не знает ни страха, ни любви. Мы из разных народов, у каждого свой долг, в котором нет места чувствам. Но что делать, если судьба постоянно сводит нас вместе? Забыть или бороться? Остаться жрицей или... стать любимой женщиной?

© Марей С., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1. Чужак и жрица	5
Глава 2. В коридорах Антрима	11
Глава 3. Станный разговор	16
Глава 4. Зверь-из-Ущелья	22
Глава 5. Не принимай близко к сердцу	28
Глава 6. Уроки матушки Этеры	33
Глава 7. Книга Пророчеств	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Соня Марей

Зверь-из-Ущелья. Бастард и жрица

(Том 1)

Глава 1. Чужак и жрица

Рамона

– Тебя узнают, вот увидишь. Твоя красная голова слишком заметна, – залиvistо рассмеявшись, подруга взъерошила мне волосы.

– Она не красная, – огрызнулась я и набросила капюшон. – Она рыжая, ясно?

– Красная, красная...

Пришлось ткнуть Сору локтем в бок.

– Хватит! Лучше давай поторопимся.

Воровато оглядываясь, мы выскользнули из узкого коридора и окунулись во тьму перехода. Лишь врожденное чутье искателей позволило не споткнуться и не покатиться кувырком, ломая руки и ноги.

Скоро я их увижу! Как долго я ждала этого момента, как часто представляла, и сегодня это наконец-то свершится. С каждым шагом радостное возбуждение усиливалось, нетерпение толкало в спину.

Здравый смысл зудел и приказывал остаться дома, пойти в святилище или мастерскую. Больше пользы будет! Но очень уж хотелось хоть одним глазком посмотреть на лестрийцев, на чужаков, детей равнин, которых я никогда раньше не видела. Интересно, у них и правда глаза светятся в темноте, а зубы и когти острые, как у хищных лесных котов? Нет, думаю, это просто выдумки сплетников.

Но все равно любопытство раздирало в клочья. А если лучшая подруга поддержала опасную затею, то надо использовать шанс и не сомневаться!

«Бездельницы!» – прозвучал в голове строгий голос матушки Этеры, но я заставила его умолкнуть.

Нечего портить настроение, ведь совсем скоро я смогу прикоснуться к запретному, приоткрыть окошко в чужой мир и заглянуть за границы великих Западных гор.

От всех этих мыслей, от волнения и предвкушения сердце радостно затрепетало.

Мы с Сорой бодро взбежали по вырубленной в скале винтовой лестнице, освещенной лишь колонией голубых цинний, и очутились на галерее. Несколько десятков голов как по команде повернулись в нашу сторону.

– Что-то неловко мне... – шепнула подруга, и я кивнула, соглашаясь.

Хорошо, что захватила плащ с капюшоном. Не хотелось, чтобы весь Антрим знал о моем неуместном любопытстве. Таким, как я, не полагается интересоваться мирской суетой. А я за свои недолгие девятнадцать лет жизни успела нарушить половину всех правил.

Стараясь больше не привлекать внимания, мы пробрались к каменным перилам – отсюда открывался хороший вид на коридор и площадку с семью воротами. Никто не давал разрешения пялиться на лестрийцев, но прямого запрета тоже не было. И, конечно, вся молодежь сбежалась сюда.

– Не терпится их увидеть...

– Где они?

– Уже скоро...

Шумная возня и сдавленные шепотки растревожили улиток цинний, и под сводами, рассеивая спасительный мрак, замерцали бирюзовые огоньки. Их называли подгорными светляками – невероятно чуткие, они вспыхивали при звуке голосов или шагов, развеивая вековую тьму. И я бы залюбовалась чудной картиной, но сейчас внутренности сжались в комок.

Светло. Слишком светло.

Вряд ли старейшины обрадуются, разглядев столпотворение на верхней галерее. А лестницы так вообще примут за дикарей, что с разинутыми ртами сбежались посмотреть на невиданное зрелище.

– Проклятые улитки, чтоб их подгорные твари слопали, – ругнулась Сора, осматривая то тут, то там вспыхивающий потолок. Пещера напоминала небо, расшитое сотнями ярких созвездий. – Вот сварю из них суп, будут знать! – подруга все крутилась, задевая меня острыми локтями. Даже ей, худой и угловатой, было тесно на узком скальном балконе в толпе таких же зевак.

– Их нельзя на суп, они ядовиты. Терпи. Скоро мы их увидим, – шепнула я Соре в ухо, придерживая пальцами норовящий соскользнуть капюшон.

Она лукаво полыхнула глазами и чуть слышно усмехнулась.

– Интересно, их мужчины на самом деле так ужасны и опасны, как о них говорят? Они спят и видят, как бы соблазнить невинную горную деву?

И по ее взгляду, и по голосу стало ясно, что она вовсе не прочь быть соблазненной. Эта непоседа умудрялась для всех быть примерной девицей на выданье, которая никогда не перечит, стремится всем услужить, и лишь наедине с подругами превращается в бешеного подгорного духа.

Я закатила глаза.

– Со-ора... Хватит болтать глупости. Я готова поспорить, что они так же отзываются о нас.

– Будет тебе! – легкомысленно отозвалась та. – Недаром ведь девиц на равнину не пускают, даже на ярмарки не берут, – она покосилась на меня. – Особенно таких, как ты.

Досада стиснула горло, и не возразить, ведь это чистая правда. Не пускают, берегут, внушают страх. Конечно, из самых лучших побуждений. А Сора тоже хороша! Знает ведь, что мне нельзя и думать о ярмарках, веселье, чужаках. О мужчинах...

Особенно о них.

Но долго злиться на Сору у меня никогда не получалось, я отрешилась от ее болтовни и силой мысли заставила себя перенестись далеко отсюда. Прочь из подземной залы, туда, где пшеничные поля утекают за горизонт, а ветер танцует на просторе. В мир запретный, но оттого и желанный.

Мир, где я гуляла лишь во снах.

На равнину мы, искатели, спускаемся только в дни крупных ярмарок. Торговля – единственная точка соприкосновения с враждебным миром, полным соблазнов. Старики упорно твердят, что неокрепшим душам, особенно женским, делать там нечего.

Зато старший брат, Орм, ходит туда с отцом дважды в год! Орм мужчина, наследник и гордость рода. Не то что я. С рождения своевольная, непокорная, слишком упрямая, еще и рыжая. Одна от меня польза – пробудившийся Дар.

Пальцы крепче стиснули ограждение.

– Эй, Рамона, ты чего так дышишь?

– Все нормально.

Ну вот, снова обманываю. Узнай кто, что я не рада своему положению, заклеят сумасшедшей. Неблагодарной. Сколько себя помню, отец и матушка Этера постоянно напоминали о долге и смирении, удобряя почву для бунта в моей мятежной душе.

Им не понять. А единственного человека, кто был на это способен, забрали к себе горы.

Сзади рассмеялись, зашикали, заворчали. Поползли возбужденные шепотки. Напряжение висело в воздухе и было почти осязаемым, сдавило голову тисками.

Меня колотило, как в лихорадке.

– А как же торжественность момента? Они хоть немного могут помолчать? Старейшины будут в ярости, если репутация холодных и благоразумных искателей пострадает.

– Начни с себя, Сора.

Подруга вздернула нос и демонстративно отвернулась. Но я знала, что она тоже не умеет долго дуться. За всю жизнь мы ни разу серьезно не поссорились. Хотя нет, в детстве отбирали друг у друга цветные камешки.

Внезапно из раздумий выдернул гул. Он прокатился по пещере мягкой волной, и одни из семи врат засветились изумрудным светом. Кристаллические конгломераты налились зеленою, удлиняясь, сливаясь, образуя фигуры самых замысловатых форм. Во все стороны поползли сияющие нити-вены, выткались на темном полотне камня, оживляя его.

Пара ударов сердца, и из чрева горного портала вынырнули первые фигуры. Среди них я узнала отца – он выглядел строго и торжественно.

Судя по взволнованному шепоту за спиной, остальные тоже не могли дожидаться лестрийцев. А я вдруг испугалась! Струсила, как заяц перед волком. Ноги ослабли – сейчас упаду на пол! Вот будет потеха.

– Ой, смотри, Рамона... – Сора ухватила меня за кисть, и я подняла взгляд.

Делегация предстала перед нами во всем составе: чужаки в сопровождении нескольких старейшин, самых уважаемых людей Скального города.

Должно быть, лестрийцы решили, что их встречают с размахом и почестями. Вон сколько народу столпилось, не хватает только в ножки поклониться. Некоторые даже носы задрали. Именно такие напыщенные индюки и называют нас дикарями. Мне брат рассказывал, что люди равнин иногда толпятся у прилавков на ярмарке не для того, чтобы купить амулеты из зачарованных самоцветов, а затем, чтобы позлословить или поглазеть на искателей, как на неведомых зверюшек.

– Вон тот – точно лорд Брейгар. Сам повелитель Лестры, – еле слышно протянула подруга, намекая на высокого мужчину в плаще цвета серебра. Он был немолод, но волосы оставались темными без малейшего намека на седину.

– Великий Брейгар? – спросил мальчишка слева от нас.

– Он самый.

Да, мы тоже кое-что знали о людях за границами Западных гор. Обрывки слухов, сплетни и тихие разговоры по углам иногда лучшие источники информации.

Непонятный страх потихоньку отступал, а любопытство, напротив, поднимало голову. Сила и властность одного из четырех лордов страны чувствовалась даже на расстоянии. В том, как Брейгар держал голову, с каким достоинством осматривался, как обменялся кивком с одним из своих. Стоило признать, лестрийцы ничем не отличались от нас: две руки, две ноги, голова.

Чудовища? Глупости! Кто только такое придумал?

Раньше чужаков никогда не приглашали в Антрим. Опасались, не доверяли, берегли тайны и сокровища от жадных глаз. А я вдруг подумала, сразят ли их виды Скального города? Где еще они увидят волшебной красоты пещеры и услышат песни камней?

А звезды! В горах такие крупные и яркие звезды, что кажется, протяни руку – обожжешься.

Моя родина богата не только блеском самоцветов.

– ...тот, что с белой головой, сын Брейгара? – прилетел вопрос откуда-то из-за спины.

– Не с белой, а с желтой, – тоном знатока поправила Сора, а я высмотрела в толпе юношу с волосами цвета пшеницы.

Никогда раньше не видела белокурых людей. Даже рыжие редко, но рождались, а вот светлые – никогда. Если тот парень и правда сын Брейгара, то он ничем на него не похож: тонкокостный, слишком холеный, держится не так уверенно и властно. Но серебряный плащ с вытканым на нем рисунком почти не отличается от плаща лорда. Значит, и правда сын.

– А где второй? Я слышала от брата, что у лорда двое сыновей.

Да, слышала. Вернее, подслушала. Водилась за мной такая недостойная, но довольно полезная привычка.

В тишине мой вопрос прозвучал слишком громко, и показалось, что неосторожные слова эхом пронесли под каменными сводами.

Сердце запнулось, во рту пересохло.

Мать Гор, сделай так, чтобы меня не узнали! А то снова влетит.

Я не слышала, о чем говорят внизу. Но видела, как отец достал светильник, и тот вспыхнул не хуже факела, загоняя тени в самые дальние углы, срывая покровы. В этот миг к отцу приблизился человек из свиты равнинного лорда и сразу приковал к себе внимание. Все остальные просто померкли на его фоне, превратились в смазанные пятна.

Я несколько раз моргнула и затаила дыхание. Прикусила губу, всматриваясь в незнакомца.

Чужак был высоким, с гордым разворотом плеч и короткими темными волосами. За спиной он носил меч – длинный и наверняка тяжелый, такой я бы даже поднять не смогла. Этот лестриец прекрасно знал, как управляться с оружием.

Он выглядел спокойным и равнодушным, как лес в безветрие. Но в то же время от него разило первобытной силой и опасностью, грацией дикого зверя. От таких людей инстинктивно стараешься держаться подальше, потому что не знаешь, чего от них ждать.

На плечах чужака лежал плащ с серебристой опушкой, спускаясь почти до пола мягкими складками. Руки с крепкими запястьями были небрежно скрещены на груди, витая цепь с амулетами обнимала крепкую шею. Лицо, тронутое легкой щетиной, бесстрастное, суровое, будто из камня вырезанное, невольно внушало уважение. И почтение.

И трепет.

Несмотря на все это, я не могла от него оторваться. Шумно втянула воздух и почувствовала, как щеки налились румянцем. Мать Гор, прости свою безумную дочь! После я заглажу вину молитвами, принесу дары и поделюсь силами с подземным древом, а сейчас...

Посмотрю еще. Одним глазком. Только интереса ради, ведь я таких раньше не видела.

Оценю красоту и стать этого мужчины, как обычно оцениваю блестящие самоцветы – редкие и чистые. А потом забуду. Обязательно.

Чужак был занят разговором с отцом и даже не подозревал, что его бессовестно разглядывают. А потом вдруг напрягся всем телом и...

Поднял взгляд. Посмотрел поверх отцовской макушки, скользнул по рядам искателей, хищно сузив глаза.

Странное предчувствие заставило покрыться мурашками, приподняло волоски на руках. Я выдохнула и не могла вдохнуть, застыв в ожидании.

Зачем он так смотрит? Кого ищет?

В глубине души я уже знала ответ, хоть он и казался совершенно безумным. Немыслимым.

Я дрожала, но отвернуться было невозможно, будто от меня к нему протянулась незримая цепь. А после...

Наши взгляды, наконец, встретились.

Что он мог разглядеть здесь, в толпе темных фигур, на верхней галерее пещеры? И все же мы смотрели друг другу в глаза. Бесконечно долго, не мигая, и, кажется, даже не дыша. Взгляд его колот, резал по живому, вскрывая все мои постыдные мысли и тайны. А глухая

тоска, которую я загнала в глубины души и разума, заворочалась разбуженным зверем, заныла, заскреблась, напоминая, что я вовсе не та, кем меня хотели видеть отец и Верховная жрица.

А потом пришло отрезвление. Оно выбило из груди воздух, и я отпрянула во мрак. Сжалась в комочек, пытаясь унять суматошное сердце.

Бах! Бах! Бах! Пульс стучал в висках, как молот.

А лестриец смотрел туда, где еще недавно торчала моя макушка. Ждал, когда высунусь, чтобы...

Что? Утащить в свое логово?

Глупости. Бред! Быть такого не может. Но, как бы я себя ни разубеждала, холод прокрался по рукам, скользнул за пазуху.

Ох, Рамона, доиграешься когда-нибудь... Но Матерь Гор сегодня была на редкость милосердна, и вскоре процессия двинулась прочь. Лестрийцы шли, чеканя шаг. Уверенно и слаженно, как люди, привыкшие к битвам. Они почти миновали пещеру Семи Врат и скрылись в тоннеле, но я все смотрела и смотрела в спину незнакомцу, будто кроме него здесь никого не было. Будто он заслонил всех собой.

Мысленно касалась плеч, трогала волосы, спину... Это длилось и длилось, как навеянный молитвами сон, как наваждение. И выдохнуть я смогла лишь тогда, когда хлопнула тяжелая дверь.

– Вы видели?

– Так глядел! А взгляд-то звериный...

– Интересно, на кого?..

– Я даже перетрусил... – тут же загомонили ребята, а Сора сжала мою руку в своей вспотевшей ладони.

– Рамона, капюшон!

Этого еще не хватало. И когда только успел соскользнуть? Упал в самый неподходящий момент, едва не раскрыв меня.

Вернув капюшон на место, я на ватных ногах двинулась к выходу. Перед глазами все стояло это лицо...

– Ох, чуть не умерла, когда он посмотрел в нашу сторону, – возбужденно затараторила Сора.

– Ага...

– Не удивлюсь, если этот лестриец и есть Зверь-из-Ущелья!

Дрожь пробежала по спине, и я передернула плечами. Мы слышали краем уха сплетни об этом человеке: он прекрасно ориентировался в горах и отлавливал беглых каторжников и прочий сброд, опасный для нас и для лестрийцев. Мой суровый отец, всегда относившийся к чужакам с презрением и недоверием, отзывался о нем уважительно. Даже несмотря на то, что Зверь-из-Ущелья был безжалостным убийцей.

Река зевак плавно текла к выходу, унося меня за собой. Со всех сторон неслись сдавленные смешки и болтовня, но я молчала и нервно грызла палец: волновалась и не могла справиться с собой. На лестнице, освещенной тревожно мигающими цинниями и гроздьями густого скального мха, запнулась и едва не упала.

Да, не мой сегодня день.

Вдруг в толпе началось волнение: у подножья лестницы дорогу преградила женская фигура в глухом жреческом платье. Она возвышалась, грозно подпирая руками бока, и казалась мраморной статуей.

– Что вы все тут забыли, бездельники?!

Точно, не мой.

– Матушка Этера? – пискнула Сора и шарахнулась в сторону, а мне захотелось провалиться на месте.

Ничего от Верховной не скроешь!

– А ну-ка брысь отсюда! – сдвинув брови, командовала женщина, и голос эхом прокатился по коридору.

Все быстренько прыснули в разные стороны, подруга протиснулась мимо жрицы бочком, а после тоже припустила, только пятки засверкали.

Вот предательница!

– И чем это ты занимаешься, Рамона?

Матушка Этера сразу раскусила мою маскировку и теперь готовилась обрушить на нерадивую ученицу всю мощь своего праведного гнева. Захотелось исчезнуть, сотворить врата и скрыться, но я не позволила себе и шелохнуться, даже взгляд не отвела. Смотрела на Верховную отважно и прямо.

Эх, снова быть мне наказанной.

– Тебе ли по статусу... – Матушка Этера скривила губы, – ...интересоваться всякими мирскими делами? Ладно эти зеваки бестолковые, но ты! Давно пора оставить эти глупости, любопытство до добра не доводит.

– Я должна была увидеть тех, кто живет за границей великих Западных гор, – произнесла почти спокойно и равнодушно, но сердце пустилось вскачь, стоило вспомнить тот взгляд. Он словно душу наизнанку вывернул.

Ощущения были так реальны, что я не удержалась и обхватила себя за локти.

– Должна была увидеть их своими глазами, матушка.

– Должна? – брови главной жрицы взмыли вверх, оживив эмоциями каменно-спокойное лицо. – Ты слишком много себе позволяешь, Рамона, – сказала уже мягче, но покачала головой с сожалением. – Всегда делаешь то, что хочешь, а не то, что должно. Потакаешь капризам, как неразумное дитя, противишься долгу. Смири, наконец, свою мятежную душу. Этого желает Матерь Гор.

Действительно ли того желает богиня, я не знала, но решила не спорить.

– Ты нужна в святилище. Ну же, ступай! – видя мое сомнение, женщина командно взмахнула рукой и собралась гордо удалиться, но вдруг замерла, не сделав и шага.

– Что-то еще, Верховная?

– Да, Рамона, – в тишине вздох показался слишком громким. – Я понимаю твои чувства, твои порывы. Но никогда не забывай, для чего ты рождена.

Она уже очень давно не говорила со мной так просто и откровенно. Крупная ладонь с длинными пальцами легла на щеку, и я опустила веки, поддавшись почти материнскому теплу.

– Конечно, Матушка Этера.

И дала себе обещание, что теперь, с этого самого момента, точно никаких глупостей. Только служба. Только святилище и долг.

И никаких мужчин.

Тем более лестрийцев!

Глава 2. В коридорах Антрима

Реннейр

День прошел словно в тумане. Со стороны искателей это приглашение было знаком вежливости и величайшего расположения, и я не мог поверить, не мог осознать, что нахожусь в Антриме. В городе из легенд.

Он зачаровал каждого, я это видел. Как голодные уличные мальчишки, мы смотрели на головокружительную высоту пещерных сводов и таинственное мерцание ледяных озер, на высеченные из камня скульптуры, такие огромные, что их головы терялись в вековечной тьме. Глядели на вкрапления кристаллов самых разных размеров и форм, на росчерки каменных жил на стенах – они вились подобно клубкам вен, то замирая, то заходясь тревожным пульсом.

Антрим сросся со скалами, был их сердцем. И был горой – монументальной, опасной, до поры до времени спящей, как древний вулкан. Он брал начало от подземных глубин и рвался ввысь, пронзая облака. Площадки без каких-либо ограждений нависали над пропастью, башни из мерцающих самоцветов ловили солнце и рассеивали радужные блики. Искатели не боялись ни холода, ни ветра на вершинах – им помогала родовая магия и сами камни.

Я смотрел на людей, пришедших с равнин в Антрим, видел на их лицах восхищение красотой и величием города, алчность и желание владеть хотя бы частью сокровищ, и страх. Даже несмотря на то, что дети гор ни капли не воины, а убийства противны их натуре.

Мои спутники все равно боялись. Боялись и пытались подсчитать в уме, сколько могут стоять все эти богатства. Несмотря на обилие сокровищ, искатели совсем не баловали себя. Здесь нельзя было увидеть ни золотой посуды, ни пуховых перин, ни прочих предметов роскоши, что так любят холеные аристократы на моей родине. Конечно, дети гор могли себе позволить все это, но предпочитали жить в строгости – такие же суровые, как и камни, что их окружали.

С наступлением ночи покой не пришел. Что-то маячило на горизонте грозовой тучей. Сжимало грудь в каменной хватке, зудело под кожей, будто заноза, и мешало расслабиться.

Сна не было, мысли стучали в висках.

Рывком поднявшись с кровати, я натянул сапоги. Размял затекшие плечи.

– Звереныш?.. – раздался сонный голос Варди. Этот северянин имел потрясающую способность засыпать в любое время и в любом положении. – Куда собрался?

– Проветриться.

Это было ложью. В Антриме, даже в самой глубокой из пещер, была прекрасная вентиляция. Комнаты же гостей располагались на головокружительной высоте, где ветер свистел в незапертые окна и играл музыкальными подвесками из самоцветов – тонко, изысканно, звонко. Как свирельные напевы у нас на равнине.

Их называли Ночными Странниками. Наполненные магией искателей, днем они навевали сладкую послеобеденную дрему, а ночью посылали добрые сны. Как-то я подарил своей женщине такую безделушку, купил на ярмарке у Рорана, одного из старейшин Антрима.

– А я-то думал, спешишь на свидание с симпатичной антримкой, – Варди смачно зевнул.

– Я похож на дурака?

Друг был мастером неуместных шуток, но лучше уж делить комнату с ним, чем с младшим братцем. Из всей делегации отдельной спальни удостоился только лорд, но и на том спасибо. Скальный народ вполне мог устроить нас в замкнутом каменном мешке под предлогом того, что не пристало чужакам шататься по городу. Хотя я уверен, здесь у каждой стены по паре ушей и глаз, а искатели тщательно берегут свои секреты и позволят нам увидеть лишь то, что сами посчитают нужным.

– Не строй из себя недотрогу, Ренн, – пренебрежительно фыркнул северянин. – Уж я-то тебя знаю. Самые ревностные святоши на поверку оказываются отъявленными грешниками. Исключений нет.

– Не тебе судить.

Но Варди упрямо продолжал:

– Что, неужели думаешь, среди них не найдется ни одной горячей красотки? Дочери гор дикие, как степные кобылицы, но такие же страстные, – с каким-то особенным выражением произнес он и прищелкнул языком.

Я усмехнулся. Этот сумасшедший наемник ради своих прихотей готов переступить все мыслимые и немыслимые запреты, наплевать на обычаи и порядки. Мог и соблазнить одну из тех искательниц, что иногда спускаются с гор для торго на ярмарках. Но чаще от Варди женщины шарахались: улыбка, похожая на оскал, шрам через все лицо, ожерелье из волчьих клыков в лучших традициях диких северян.

Хорошие у меня друзья. Колоритные. Как говорят старики, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

– Подумай над моими словами. Антримки только с виду суровые, но даже камни можно растопить.

Этот дурак что, издевается? Только горных дев мне не хватает. Я уже не юнец, которому простительно заглядываться на каждое смазливое личико, и в крови которого играет жажда любовных приключений.

– Мне это не нужно.

Я замер у окна, выдолбленного в скале. Камень был теплым, шершавым и живым. По периметру комнаты вились символы, едва заметно переливающиеся в лунном свете – искатели наносили на стены печати, сберегающие тепло, поэтому даже на такой высоте можно не бояться замерзнуть. И дома у них уютные, продуманные, без лишней мишуры и показухи.

Ветер взвыл и швырнул в лицо россыпь дождевых капель. Ночь в горах была капризной и переменчивой, но всегда особенной, полной затаенной магии. Вот и сейчас казалось – что-то грядет. Что-то должно случиться.

Я усмехнулся своим мыслям, вытерся рукавом и посмотрел вниз – туда, где раскинулся город из легенд. Антрим походил на змея, что никогда не смыкает глаз, выслушивает опасность, хранит старые тайны и несметные богатства.

Готов поспорить, старейшины даже спят на мешках с золотом. Да здесь дети на улицах играют с самоцветами, как с ракушками! Только камни и металл – единственное их богатство. В неурожайные годы, когда зерна даже на равнинах не хватает, искатели вынуждены голодать. Золото и рубины в глотку не засунешь.

– Спать ложись, герой, – Варди подавил зевок и сунул нос под одеяло. – Утомили меня эти крысы горные. Сил нет.

Когда влажный воздух вконец задурил голову, я сомкнул веки. Голову наполнила блаженная пустота. И вдруг среди этой пустоты и легкости – вспышка, искра, воспоминание. Изумрудное сияние врат, пещера, усыпанная голубыми звездами, дрожь, внезапно пробежавшая по телу, как если бы его прожгли внимательным взглядом. Странные силуэты на верхнем ярусе – размытые, туманные. Лишь женское лицо самым ярким пятном.

Едва его увидел, уже не слушал голос старейшины Рорана. Просто выпал из времени и пространства. Засмотрелся.

На несколько мгновений наши глаза встретились, а потом незнакомку поглотил чернильный мрак.

Кем она была? Может, подгорным духом? Там, наверху, стояла полутьма, разбавленная лишь призрачным светом цинний. Но волосы девы я успел разглядеть. Рыжие, странные для ее народа.

Сейчас я все больше склонялся к мысли, что это был морок. После я долго ее высматривал, но она будто растворилась в воздухе. Даже если это было не видение, а дочь гор из плоти и крови, я даже имени ее не узнаю.

Уж лучше не вспоминать. Это всего лишь женщина, каких тысячи.

Когда комнату наполнил размеренный храп Варди, я вышел в полутемный коридор – здесь даже охраны не было. Хозяева не то что доверяют нам, нет. Просто у них есть более надежные соглядатаи, чем глаза человека.

Нас поселили в сети вырубленных прямо в скале переходов и комнат. Настоящий лабиринт. Но, если пройду немного, не успею ведь заблудиться? Это не попытка вывести чужие секреты, просто с детства влек недоступный Антрим, в народе про него что только ни болтали. А горы всегда были для меня местом силы.

Местом, куда я мог сбежать даже от себя.

Болезненное любопытство влекло вперед, дальше и дальше, будто там, за тем поворотом, скрыто что-то важное. А потом и за следующим. А потом все ниже, ниже, к самому сердцу горы...

Может, это духи заманивают? Если так, то мне нечего предложить, кроме своей души. Впрочем, вряд ли она придется им по вкусу. Если они, конечно, не любят соль и пепел.

В лицо подул едва ощутимый ветерок. Я огляделся.

Стены и потолок узкого хода облепили скальные улитки, хранившие под тонким панцирем нежный бирюзовый огонь – он завораживал, как колдовские огни на болоте. Но с каждым шагом цинний становилось все меньше, а оставшиеся начали гаснуть. И, когда я всерьез задумался над тем, чтобы повернуть обратно, слух уловил мимолетное движение за спиной.

* * *

Рамона

Сегодня матушка Этера бушевала как никогда – заставила меня убирать в святилище, несмотря на то, что обычно этим занимались самые маленькие сестры.

«В воспитательных целях и для блага незрелой души», – выразительно приподняла брови Верховная, намекая, что это наказание за мое любопытство.

И я послушно ползала с тряпкой и метлой, пачкаясь в пыли. Я! Та, кому доверяли участвовать в самых значимых обрядах! Отскребала вековую грязь и натирала кристаллы до блеска. Подумать только! Дожили...

А сейчас в мыслях маячила лишь уютная комната и чашка травяного отвара. В силу возраста я пока не прошла посвящение и не стала одной из старших жриц, поэтому могла жить в родном доме, а не в обители Матери Гор. Но рано или поздно придется покинуть привычное место, как бы ни было тяжело.

По телу свинцом разлилась усталость, голова и мышцы гудели. Именно это заставило меня свернуть не в тот коридор. Как-то странно получилось, ноги сами вели меня в ту сторону, где поселились люди с равнины.

Я просто немного отвлеклась, задумалась. Потеряла концентрацию.

Камень чутко реагировал на присутствие чужаков – я слышала его тихий ропот. Он разговаривал со мной и почти всегда откликался на просьбы, будь то вопрос о нахождении алмазных жил или попытка проскользнуть незамеченной мимо чуткого ока отца.

На все мои вопросы о людях с равнины и их визите он отвечал: «Не твоего ума дело».

Даже братец Орм не признавался, хотя наверняка знал.

Ну, ничего... Рано или поздно станет известно. Может, скоро нам позволят спускаться на равнины, путешествовать и уходить так далеко, как только захочется! Не опасаясь гнева старейшин и Матери Гор.

И, может, каждый из нас скоро станет чуточку свободней.

Весь день утреннее приключение будоражило фантазию и не давало покоя, тело озорным угольком, дожидаясь, когда на него обратят внимание. И зря я гнала его прочь! Не могла, слабовольная, отказать себе в искушении посмаковать несколько мгновений, когда без стеснения глядела в глаза чужака. Так открыто, прямо, дерзко.

Взгляд, пробирающий до мурашек, прибивающий к месту.

Так на меня никто никогда не смотрел.

Воспоминание о нем жгло, и, что странно, боль была приятной. От нее тянуло внутри, хотелось продлить ее как можно дольше. Наслаждаться ею.

Я одернула себя – ну что за глупости бродят в моей дурной голове! Всего один мимолетный взгляд, а я уже размечталась.

И все же... Интересно, о чем думал в тот момент чужак? Запомнил ли он мое лицо?

Хотелось, чтобы запомнил. Словно это имело какой-то смысл, словно у нас есть шанс еще хотя бы раз встретиться. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором вставал образ мужчины с темными волосами.

Все это было слишком смело, запретно, неприлично для девушки. Особенно для жрицы. За такие мысли стоило меня выпороть! Или отправить в самую темную пещеру замаливать грехи.

«Ты должна помнить, кто ты такая, – сказал внутренний голос тоном матушки Этеры. – Сосуд божественного Дара, проводник божественной воли. Негоже осквернять себя непотребными мыслями».

Я коснулась ладонями горящих щек. Глубоко вздохнула и задержала дыхание.

Образ, который пыталась прогнать из головы, никуда не ушел – напротив, наполнился красками. Так бы и стояла, путаясь в паутине ощущений, но внезапно горы шепнули о чужом присутствии.

Это точно не искатели! На них не похоже.

Страх быть обнаруженной сковал по рукам и ногам. Ладонь коснулась прохладного камня. Скользнула выше, погладила.

Я закрыла глаза, привычно сплетаясь с пульсом гор, дыша с ним в такт, пропуская через себя. Обмениваясь мыслями и теплом. С раннего детства я могла вести с горами безмолвные разговоры, поражая своими способностями родных.

Матерь вняла просьбе: огоньки цинний стали медленно затухать, погружая пещеру в почти абсолютный мрак, скрывая присутствие. Богиня, которой я ежедневно молилась, всегда была ко мне благосклонна.

Проскользну мимо тенью или нет? Тихо, как едва ощутимый ветер. Как перышко.

Но, может, хоть одним глазком взглянуть, кто это? Я буду осторожна.

Он так близко, что слышно дыхание...

* * *

Реннейр

С детства я обладал отменным слухом и чутьем. И вот сейчас – чей-то прерывистый вздох. Звуки шагов.

Тихие, как у бывшего убийцы. И такие же осторожные.

Тело, ведомое инстинктами, среагировало мгновенно – поворот, бросок, и вот я уже прижимаю к стене безымянного соглядата.

– Что тебе нужно? – спросил, не повышая голоса и сиюсь рассмотреть очертания чужого лица.

Подгорная тьма лишила зрения, но обострила другие чувства. В нос ударил запах меда, сухих трав, нагретых камней и...

Женщины?

Совсем легкий, неуловимый аромат волос и кожи.

Стиснув плечи сильнее, я подался вперед, проверяя, не ошибся ли? Нет, точно не ошибся. Руки тонкие и сама она маленькая, хрупкая, дышит испуганно – точно не убийца. И как я мог перепутать?

Внезапно стена пещеры у нее за спиной засияла мягким золотым светом, он обрисовал контуры сотен мелких и крупных кристаллов, выросших прямо из недр скалы, как будто серый камень превратился в гигантскую жеоду.

Я опустил голову – девушка смотрела на меня с безмолвной паникой во взгляде, словно пойманный зверек. А где-то на краю сознания мелькнула мысль, что глаза у нее – вересковый мед. Совершенно небывалые, темно-золотые, с длинными пушистыми ресницами. Светлая кожа, огненно-рыжие волосы, стекающие на грудь мягкой волной.

Это она! Живая, не видение.

– Что тебе нужно? – повторил вопрос.

Узкие ладони легли мне на грудь в попытке оттолкнуть, а в следующий миг обоих поглотил портал.

Глава 3. Станный разговор

Реннейр

Острая нехватка воздуха, ослепляющий свет и толчок – нас бросило вперед, и только в момент падения я понял, что продолжаю удерживать девушку за плечи, а она цепляется за мою рубашку. Еще чуть-чуть и мы, не разнимая объятий, рухнем на камни.

Это произошло в доли мгновения и почти неосознанно. Я ухитрился каким-то немыслимым образом извернуться, чтобы не придавить девчонку, и упал на спину. А сверху – она.

Раздался то ли вздох, то ли всхлип, когда руки крепче стиснули ее ребра. Девушка уткнулась лицом мне в шею и задержала дыхание. Застыла, как пойманная мышь. Волосы ее, длинные и тяжелые, стекли на грудь и лицо, прядь пощекотала шею.

В эти наполненные напряжением мгновения я особенно остро ощутил близость и тепло чужого тела.

– Я думал, ты мне привиделась, – выдохнул ей в макушку.

Она вздрогнула, будто только сейчас поняла, что произошло. С силой, неожиданной для такого хрупкого создания, вырвалась из хватки и отскочила назад, спиной прижалась к обломку скалы. Перепугалась.

Свет полной луны мягко обрисовал ее лицо.

– Ты создала врата?

Она молчала, глядя на меня исподлобья. Красивая, юная. Одета в темную рубашку и полотняные штаны, плотно облегающие бедра. Лестрийки бы удавились, чем надели нечто подобное, а на ней наряд смотрелся удивительно гармонично.

– Думал, ты подгорный дух, – произнес с усмешкой, так и не дождавшись ответа. А потом приподнялся на локтях. – Хотя для духа ты слишком тяжелая и мягкая.

Пока девушка растерянно хлопала глазами, пытаюсь переварить мои слова, я успел встать на ноги. Вокруг не было ни души, только ветер шелестел стеблями высохшего под летним солнцем денника. Горная гряда тянулась вдаль, насколько хватало взгляда, а слева, шагах в десяти, чернел провал, окаймленный густыми зарослями рододендрона. Сомкнутые бутоны раскачивались в такт ветру, наполняя воздух сладко-терпким ароматом.

Отличное место, лучше не придумаешь. Если бы нас выбросило чуть дальше...

Занятый своими мыслями, я не сразу понял, что рыжая девица собралась оставить меня бог знает где без шанса вернуться. Она вжалась в камень обеими руками, и в тот миг, когда под пальцами вспыхнули золотые кристаллы врат, я бросился вперед.

Дурак!

Недаром старики твердили: где магия, там зло. А дети гор обменяли сердца на Дар, и теперь у них под ребрами холодные камни.

– А ну-ка стой! – я дернул ее за локоть и развернул к себе лицом.

* * *

Рамона

– Что за шутки? Куда ты меня затащила? Отвечай, – на щеках, тронутых щетиной, заиграли желваки, губы сжались, а пальцы обхватили запястья – не вырваться.

Он выглядел по-настоящему разъяренным, как зверь.

Сначала безошибочно учуял во тьме, напугав до колик, потом подставился, обеспечив мне мягкое падение, а теперь смотрел так, будто раздумывал, каким способом будет меня пытаться.

Не укладывалось в голове, как и зачем горы свели наши дороги, направили меня к нему, а его ко мне? Все совпало с точностью до мгновения, а ведь мы могли просто разминуться в бесконечной сети коридоров.

И надо было все испортить, когда я позорно струсил, сгруппировалась и бросилась бежать. Если бы получилось, он бы остался здесь один, и за неделю бы до Антрима не добрался. Врата выбросили нас далеко на юге, а почему так получилось – понятия не имею! Чужак теперь вправе думать обо мне худшее.

И не только думать, но и сделать, ведь мы здесь совершенно одни.

Коленки затряслись от страха, и медленно-медленно я подняла взгляд, посмотрела ему в лицо. Пронеслась совершенно ненужная мысль: вблизи он еще красивей, этот лестриец.

В оглушительной тишине вдруг стало слышно, как бахает кровь в висках. Язык прилип к нёбу, во рту пересохло, а я все смотрела в темные зрачки напротив – бездонные, как колодцы. И глаза у него светлые. Голубые? Серые?

Он молчал. Ждал ответа и рук не разжимал.

Еще никто и никогда не стоял ко мне так близко. А происходящее сейчас было так непривычно, так странно... и волнительно до похолодевших пальцев и пересохших губ.

Я боялась дышать его запахом – раскаленной дороги и ветра, стали и выделанной кожи. Запахом чужого мужчины. Боялась ненароком коснуться его груди своей, а он будто нарочно наклонился ниже.

Такой большой! И сильный. Много сильнее меня – я в этом убедилась, когда он вжимал меня руками в свою грудь – твердую, как камень.

Мурашки горячей волной скользнули по спине.

Лестриец шумно втянул носом воздух и поднялся ладонями выше, комкая рубашку. По локтям, плечам. Встряхнул несильно.

– Ну, ты что, язык проглотила? Что все это значит?

– Я... сама не знаю... – шепнула на выдохе и снова встретилась с ним взглядом.

Обожглась им.

– Что значит, не знаешь? – он изогнул бровь. – Говори, не бойся, – и добавил мрачно: – Убивать не стану.

В подтверждение своих слов убрал руки и сделал шаг назад. Я привалилась плечом к скале, перевела дух.

– Я не собиралась уводить тебя за собой. Ты сам прошел за мной сквозь врата, – произнесла, глядя на носки своих ботинок. Сейчас они казались такими интересными.

– Невозможно, – отрезал лестриец. – Без желания искателя я не мог их пройти. Это все знают.

– Но я этого не желала. Я... просто испугалась.

Чужак молчал. Ждал оправданий.

Он не был похож на наших мужчин: коренастых, мощных, как горы, и суровых, как камни. Они редко смеялись и почти не умели веселиться – жизнь, полная тяжелого труда на рудниках, омытая постоянными дождями и овеванная сырыми туманами, отпечаталась на лицах. Искатели были понятными, привычными. И очень скучными.

А лестриец скучным не выглядел. Он походил на лесного хищника, тихого и проворного, гибкого, как молодое дерево. От него веяло угрозой и непостоянством, как от весеннего ветра в горах.

Молодец я. Нашла приключения на свою голову! Или не на голову, а на ту часть, что ниже поясицы.

Чуть сощурив глаза и склонив голову набок, чужак разглядывал меня, словно пытался залезть в голову и прочесть мысли. Поза его была расслабленной, но я чувствовала – все это ложь. Стоит сделать хоть одно неосторожное движение...

– Я тебе не верю.

Сердце упало в пятки, но я лишь выше вздернула подбородок.

– Зачем мне это было нужно? Я не...

– Зачем? – лестриец потер подбородок, изображая задумчивость. – Например, позабавиться с чужаком. Говорят, горные девы заманивают мужчин, посмеявшись забраться в их владения, а потом сталкивают в пропасть. Или приносят в жертву Матери Гор...

– Нет! – я замотала головой. Что он такое придумал?! – Нет-нет-нет! Клянусь, у меня и в мыслях такого не было! Поверь, лестриец!

Я будто ступила на тонкую грань и балансировала на ней, в любой момент готовая сорваться.

– Реннейр.

– Что?

– Реннейр – это мое имя.

Меня будто ударили в грудь, выбив весь воздух. И я застыла, прислушиваясь, как внутри дрогнула струна, задетая отзвуками этого имени.

– Рен... нейр, – распробовала, как сладкий вересковый мед, покатала на языке. – А ты случайно не Зверь-из-Ущелья?

Вопрос прозвучал слишком бестактно. Вечно ляпаю, не подумав!

Но чужак не рассердился, напротив, сделал то, чего я не ожидала – запрокинул голову и коротко рассмеялся.

А смех у него приятный. Негромкий, бархатистый. И на щеке ямочка появилась. Но все равно расслабляться рано! Даже кошки играют с мышами перед тем, как разорвать на клочки. А этот человек и близко не похож на сытого ленивого кота.

– Какая ты забавная, дочь гор, – успокоившись, произнес Реннейр, и взгляд его смягчился. – Возможно, ты действительно не лжешь.

– Я и не думала лгать!

Ужасно хотелось, чтобы он поверил. В голос я вложила всю искренность и даже прижала руку к сердцу.

– Веришь?

– Старинный жест, которым говорящий клянется в честности. И если он солжет, его сердце в тот же миг остановится, – Реннейр задержал внимательный взгляд на моей груди и вздернул бровь. – Только говорят, что у искателей вместо сердца камень.

Если сперва и от слов, и от взгляда бросило в жар, то теперь пробрало холодом. Неужели люди с равнин и правда в это верят?

Верят в то, что мы бессердечные? Что заманиваем чужаков и убиваем забавы ради?

– Это ложь! – я даже ногой притопнула от избытка чувств. – Есть у меня сердце. Настоящее. Оно бьется!

Не станет же лестриец проверять?

Я вдруг представила в красках, как может выглядеть это самое проверяние. Фантазия нарисовала все это так явно, что я даже почувствовала чужое прикосновение к коже. Там, где так неровно застучало-заколотилось сердце.

А руки у него наверняка закалены в боях, такие переломят, как тростинку. Закатанные до локтей рукава открывали развитые предплечья с дорожками вен. Идеальные, словно над ними поработал резчик по камню.

Если сравнивать Реннейра и брата, то Орм тоже сильный здоровый мужчина, но у него руки-кувалды, и сам он похож на кузнечную заготовку. А этот – до блеска отполированный клинок.

Говорят, люди равнин все время сражаются. Говорят, они губят все, к чему прикоснутся.

– Почему ты так странно смотришь? – спросил с усмешкой.

– Как смотрю?

– Так, будто я – сундук с самоцветами.

Кровь ударила в лицо, и щеки запунцовели.

Как-как? Сундук с самоцветами? Это значит... с алчным блеском в глазах? С желанием запустить руки и сжимать в горстях блестящие камни, наслаждаясь гладкостью и безупречностью формы?

О, Матерь Гор. Вот позорище!

– Я не настолько люблю самоцветы... Точнее, люблю... но не больше людей.

Мысли путались, а язык молотил чушь. Но чужак не смеялся, только смотрел внимательно. Так мы и застыли друг напротив друга, разделенные полосой лунного света – глаза в глаза.

Слышит ли он, как зазвенел воздух между нами? Как в глубине земли задрожали ветви священного древа, а по венам потекло расплавленное серебро – обжигающе-горячее.

Волшебство момента было столь хрупким, что казалось, любой звук сотрет его без следа. Даже ветер задержал дыхание, и звезды перестали моргать. Ночь сомкнула усталые веки, оставив нас только вдвоем.

– Как тебя зовут? – он нарушил молчание первым.

– Рамона. Из дома Алого Камня.

Реннейр дернул краешком рта, будто хотел что-то сказать, но передумал. Опустился на камень и упер локти в колени.

– Значит, Рамона, – из уст этого человека мое имя прозвучало по-особенному. – И все-таки, почему я здесь?

– Я ведь говорила, что не знаю.

Я и правда не знала. Даже догадок не было.

– Я не искатель, у меня нет власти проходить сквозь ворота. Я хочу узнать ответ на свой вопрос.

Да что он заладил! В груди заворочалась злость. На свою оплошность, на его любопытство. На то, что вдруг оказалась беспомощной, как котенок.

– Если бы я знала, я бы ответила!

– Может, ты не отдаешь себе отчета в том, что ты хотела, чтобы я последовал за тобой?

Он что, издевается? Точно! У него это на лице написано. Вот только меня муштровала матушка Этера, я без боя не сдамся!

– Ну и самомнение у тебя, чужак. Ты думаешь, я настолько легкомысленна, чтобы...

О да, легкомысленна – не то слово. И легковерна.

– ...чтобы пожелать оказаться наедине с мужчиной?

«А почему бы и нет?» – внутренний голос, кажется, в сговоре с ним. Зудит, как назойливая муха.

– ...ночью, вдали от всех... – Воздуха не хватало. Приходилось жадно глотать его, чтобы закончить фразу. – Чтобы он...

Чтобы что?

Лестриец никак не желал опускать свой звериный взгляд и сбивал с праведного пути.

Все вокруг казалось небывалым: этот странный возмутительный разговор, тихая ночь, укрывшая горы синей вуалью. Эта ночь глушила все звуки, кроме наших голосов и дыхания. Словно не осталось никого, кроме нас. Дети разных миров осторожно, нащупывая брод, пытались сблизиться и понять друг друга, но сталкивались и разлетались, как камни.

А потом Реннейр шагнул ко мне.

* * *

Реннейр

– Ты не похожа на других искателей.

Я Бездна знает где в компании чужачки, но, вопреки ее глупой попытке сбежать и бросить меня здесь, не видел угрозы. Я отнесся к ней не как к части закрытого народа, презирающего и смотрящего на нас с высоты неприступных гор, будто мы копошащиеся в мусорной куче муравьи.

Пожалуй, сейчас я воспринимал ее просто как женщину. Растерянную, смущенную, но за робостью которой скрывалась неумная жажда познания. И жажда эта была хорошо мне знакома.

– Да, я немного странная. Отец говорит, что моя бабушка была упрямой и непокорной. Я в нее пошла. – И Рамона коснулась волос, собрала их двумя руками, плавным жестом перекинула на грудь. Прошлась пальцами по всей длине. – Жаль, что она умерла еще до моего рождения.

Я поймал себя на том, что с жадностью смотрю, как открывается шея и ключицы, как антримка перебирает локоны...

– ...думаю, мы бы с нейладили.

Каковы они на ощупь? Наверняка мягкие и гладкие, пахнут цветами и медом.

– Значит, ты тоже упрямая? И непокорная?

...и как красиво огненные пряди смотрелись бы в горсти.

Дыхание перехватило, словно горло сжали стальные тиски. О чем я, дери меня Отец всех Равнин, сейчас думаю? Явно не о том, о чем следует. Сам ведь недавно ворчал на Варди за дурацкие намеки.

Лицемер ты, Ренн. Как говорит брат – грязное пятно на династии.

– Ты и так узнал обо мне слишком много, – она вновь подняла свои внимательные, проникающие в душу глаза.

Увидеть бы ее при свете дня. Это сейчас, когда ночь опустилась на горы, все выглядит слишком чувственным и не в меру таинственным, а старые правила и запреты отходят в туман.

– А сам на мой вопрос не ответил.

– О чем ты, дочь гор?

Набравшись смелости, она выдохнула:

– Это ты Зверь-из-Ущелья? Скажи, Рен-нейр. Тогда и я расскажу о себе больше.

Надо же, как быстро осмелела. Только ведь тряслась, как осиновый лист, будто я правда мог причинить ей зло.

А мог ли?

Дева опустила на камень, закинув ногу на ногу, совсем как мужчина. Но ни это, ни возмутительная по меркам Лестры одежда не делали Рамону из дома Алого Камня похожей на паренька. Даже слепой не перепутает.

– Мне нечего тебе ответить. Думай как хочешь.

И дался ей этот Зверь! Не люблю свое прозвище, уже оскомину набило. Да и воспоминания с ним связаны не самые приятные.

– Какой упрямый лестриец мне попался, – она качнула головой.

– Так попробуй поймать другого.

А вот это рискованно. Повстречайся она Варди или Демейрару... Или отцу...

Пальцы хрустнули, сжимаясь в кулаки. Я окинул ее взглядом от макушки до пят.

Хороша, даже слишком. Да, пусть она чужачка, дочь гор, но я ведь не слепой, не старик столетний! Женская красота всегда мне глаз цепляла. А она не просто красива, она необычна. На таких мужчины шеи сворачивают, руки друг другу ломают. Было в ней что-то такое – тянуло, как костер в зимнюю ночь, как свет маяка.

Если верить сказаниям, горная дева заплатила сердцем за магию. Но Рамона так искренне клялась, что это выдумки, что я не мог ей не поверить.

А ветер тем временем стих. Он прислушивался, наблюдал. И цветы пахли так сладко и приторно... Если наклониться к ней, можно почувствовать аромат нагретых камней, сухой травы, меда и вереска.

Я усмехнулся и потер пальцами виски. Колдовство какое-то! Влияние Антрима, не иначе.

– Реннейр?.. – Показалось, что глаза цвета сосновой смолы вспыхнули. Совершенно небывалый, нечеловеческий цвет.

Интересно, на солнце они становятся золотыми, как у драконов из старых легенд?

– Какая все-таки странная встреча, – произнес и ощупал взглядом тонкую шею в вырезе рубашки, ключицы, рот.

Она тоже не сводила с меня глаз – пытливых, любопытных. Тело сковала странная слабость, и я не сразу заметил, как туча заслонила полнеба. Лицо Рамоны скрыла темнота.

– Только что мне ждать от этой встречи?

– Я задаюсь тем же вопросом, лестриец.

– Может, это происки подгорных духов? Или вашей Матери?

Я не слишком верил в старые предания, хотя у нас в Лестре было много культов самых разных богов. Если можно так сказать, я выбивался. Был белой вороной. Рассчитывал лишь на силу хорошего клинка и правильного слова.

– Ты тоже думаешь, что мы столкнулись неслучайно?

– Я не верю в знаки судьбы. Все это чушь.

Лицо ее вытянулось, а губы недовольно поджались. Пусть лучше обижается на грубые слова, чем забивает голову глупостями. Мало ли... Она хоть и антримка, но все-таки женщина. Молодая и впечатлительная. Надумает еще невесть что.

– Почему ты так решил, Реннейр?

– Можно просто Ренн.

Я позволил это ей только потому, что мое полное имя Рамона произносила слишком чарующе. Тягуче и медленно, будто размазывала мед по ломтю хлеба, прежде чем откусить кусочек.

– Ты спросила, почему? Да потому что насмотрелся на людей, которые предпочитают думать не головой, а другим местом. И все свои несчастья на судьбу скидывать.

Горная дева фыркнула.

– Станный ты, Ренн. А мы, искатели, очень даже верим в судьбу.

– И божественную волю?

Она ничего не ответила, только плечи почему-то сникли. Рамона обхватила их руками, отвела взгляд.

Не хочет продолжать? Что ж, ладно. Уважаю ее желание и признаю, что разговор с ней начал приносить удовольствие. Будто приоткрываешь завесу в скрытый от всех, таинственный мир.

– Расскажи мне про врата. Я видел: ты создала их из ничего.

Глава 4. Зверь-из-Ущелья

Рамона

Он говорил серьезным тоном совершенно возмутительные вещи! Такие, как Ренн, не верят ни во что и ни в кого, кроме себя. Не доверяют никому и все время ждут удара в спину.

– Я всегда думал, что врата расположены в определенных местах, как в той пещере, куда мы сегодня прибыли.

Он взъерошил волосы и сел прямо на землю, в волнующей близости от моих ног. Усталый вопросительно. А я замерла, прислушиваясь к ощущениям тела, к бегущей по венам крови, к учатившемуся дыханию.

– Да, это правда, – голос сел, и я откашлялась. – У нас есть карты, на которых отмечены все врата Западных гор и их маршруты, но я... – я заколебалась: сказать или нет? – ...умею их создавать и перемещаться туда, куда пожелаю. Это можем делать только я и матушка Этера. Были еще и другие: старейшины, жрицы... но они умерли давно. Врата отнимают много сил, особенно когда проводишь кого-то. Поэтому я создаю их нечасто, пользуюсь теми, что уже есть. Они, в отличие от моих, стабильны и не меняют маршруты даже при большом желании.

Надеюсь, я не совершила ошибку? Вдруг я и правда слишком доверчива?

– Твой Дар силен.

– Все так говорят. Обычно врата приводили меня туда, куда нужно, но иногда выбрасывали в совершенно неожиданных местах. Редко. Очень редко. И сегодня что-то пошло не так, как будто ты изменил точку назначения.

Ренн усмехнулся.

– Этого не может быть.

– Много ты понимаешь, – буркнула я.

Он мне не верит! И как убедить этого упрямого лестрийца? Сам вмешался, что-то сотворил с моей магией, вот и нас вышвырнуло непонятно где, хотя целилась я, между прочим, в свою комнату. В свою скромную девичью спальню, где не место всяким... чужакам.

А что, если бы нас закинуло туда? У меня ведь постель не убрана, в сундуках кавардак!

Ох, Матерь Гор, я опять краснею? И хорошо, что лунного света недостаточно, чтобы Ренн увидел горящие щеки.

Мне ужасно хотелось расспросить его обо всем: как живут там, внизу, чем дышат, во что верят. Верят простые люди, а не такие, как он. Вопросы вились в голове нескончаемой вереницей, хотелось впитывать новые впечатления жадно, как губка. Правильней было бы закрыть рот на замок или вообще прочь бежать, но даже шевельнуться нельзя. Никак не получается: от пристального, выжидающего взгляда цепенеют ноги. Сердце стучит в районе горла. И хочется продлить этот момент откровения – мир, долгое время бывший под запретом, мир притягательный и манящий, ожил для меня в обличье этого человека.

Ох, если бы кто-то узнал мои мысли, закидал бы камнями. Даже милосердная Матерь Гор отвернулась бы от меня – жрицам непростительна мирская слабость.

Слабость губительна. Как пропасть – глубока.

– Рамона? – тихий шепот, как шелест ветра. Или то горы говорят со мной его голосом?

И вдруг со мной начало твориться что-то странное... То, от чего искателей, особенно жриц, предостерегали мудрые старики. Я смотрела перед собой как сквозь плохо отполированную линзу: очертания плыли и сливались, пространство ускользало. Наверное, я совсем потеряла счет времени – это было похоже на транс, в который я впадала в святилище.

Внезапно камень в плетеном очелье ожил и потеплел, а голову повело, как от хмельного напитка, – стало вдруг так хорошо, так упоительно, словно ветви подземного дерева оплели меня теплыми лентами и уложили в колыбель. Пульс камней вторил биению сердца, сплетаясь

с ним воедино. Веки налились тяжестью – не поднять. Руки упали вдоль тела, и я совершенно перестала понимать, кто я и где я.

Древо потянуло мою магию, мой Дар. Не так, как в святилище Матери Гор, где я добровольно делилась своими силами. Обязательный ритуал, который поддерживал защиту Антрима. Безобидный, просто немного утомительный. Но сейчас мой источник был вспорот без спроса.

Кровавый камень, вплетенный в очелье, жег лоб раскаленным клеймом. Голова гудела, в ушах шумела кровь.

И вдруг – внезапная легкость, словно летишь вниз, раскинув руки. Недовольно ворча, горы отпустили свою дочь. Жадные каменные исполины оставили меня в покое до поры до времени.

– Рамона! – легкая пощечина вернула меня в реальность, и я увидела нависающего надо мной Ренна. – Что с тобой? Тебе дурно?

Он был встревожен. Хмурился и дышал тяжело, сжимая в кулаке мой амулет. Видимо, сорвал его, когда понял, что причина в нем.

– Это все каменное древо, – шепнула я, отворачиваясь.

Реннейр коснулся щеки и заставил посмотреть ему в лицо.

– Ты впала в беспамятство, едва на землю не свалилась, я еле успел поймать. Не знаю, о каком древе ты говоришь, но оно явно опасно.

Теплые, загрубевшие от оружия пальцы не давали вырваться, а я старалась не представлять, как эти самые руки подхватывали меня и опускали на траву.

– Все в порядке. Так бывает, когда... – выдавила с трудом, будто и голос, и тело разом перестали меня слушаться.

– Когда?.. – Ренн приподнял брови, намекая, что неплохо было бы продолжить рассказ, но слова стояли в гортани комом, а сердце отчаянно колотилось в ребра.

Не могла я признаться, что горы, камни и то, что скрыто в их недрах, чутко улавливают всплески самых сильных эмоций и не могут отказать себе в удовольствии подкормиться от нас. Поэтому искатели с ранних лет учатся контролировать себя и сдерживать губительные порывы. А сегодня меня чуть не смыло волной и не утянуло на самое дно.

Страшно? Немного. Но я бы не позволила каменным исполинам выпить меня без остатка, я бы сумела вырваться. Просто все случилось слишком неожиданно, я не знала, что встреча с лестрийцем заставит меня испытать такие эмоции. А ведь на эмоциях и чувствах и завязана вся магия.

– Прости, этого я сказать не могу.

Он очертил взглядом контуры моего лица и, наконец, отстранился. В задумчивости подпер колено кулаком, вокруг которого было обернуто мое очелье. Совершенно случайно коснулся его твердыми губами.

Я перекатилась на бок, не торопясь подниматься и не в силах отвести глаз от этой картины. Голова все еще немного плыла.

В свете луны и звезд профиль чужака казался резким, но таким правильным.

– Тогда ответь, ты – жрица Матери Гор?

Он вытянул руку, собирая кровавым камнем звездный свет, всматриваясь в его алые глубины и принимая мое молчание за согласие.

– Неразумное дитя, – произнес с сочувствием и протянул мне очелье. – Никогда не доверяй незнакомцам.

Слова его царапнули осколком стекла, и я вцепилась в конец плетеного шнура. Села, притянув ноги к груди и уложив на колени подбородок, как будто хотела спрятаться.

– Я вовсе не неразумная. И тем более не дитя.

– Я бы поспорил, но мне лень, – он разжал хватку, и мой амулет змеей скользнул вниз. Я сплела его сама много лет назад, как только узнала, что стану жрицей – такова традиция.

– Что случилось, лестриец? Новость о том, что я Каменная жрица, тебя не порадовала?

Горечь осела на губах каплями полыни. Захотелось стереть ее рукавом, но я не шевельнулась – глядела, как меняется его лицо. То тонет во мраке, то белеет в сиянии луны. Воздух был таким густым, насыщенным влажным ароматом ночных цветов и терпких летних трав, что можно было собрать его в горсть.

Мы сидели так близко друг к другу, что я могла коснуться его носком ботинка. Или положить ладонь на плечо. После неожиданного обморока меня все еще потряхивало.

– Никогда не доверяй незнакомцам, – повторил Ренн задумчиво, и усмешка вспорола сурово сжатый рот. – У нашего народа есть легенда. Одна старая и странная легенда, которую странствующие барды разносят из города в город. Она гласит, что однажды жрица Матери Гор родит дитя от человека с равнины. Этот ребенок вернет нам утраченную магию, но...

Он красноречиво поглядел мне в глаза.

– Но... что? – выдавила я, заикаясь. Что-то чужое, пугающее, дикое рождалось во мне. Яд, что хуже дурмана и опасней цикуты, – от него не будет спасенья.

– ...рухнет весь заведенный порядок. Магия – это сила, это огромная власть. Знаешь, почему искатели так ревностно оберегают своих женщин от чужаков? Особенно жриц, – сейчас он смотрел с сочувствием, или мне показалось? Свет луны слишком неверен. – Потому что соблазн похитить одну из них и зачать с ней ребенка может оказаться слишком велик. Лестрийцы суеверны, а еще жадны до власти, богатства и любви.

Взгляд человека напротив был темен, как самая глухая ночь. И вдруг пришло осознание, ударило ножом по нервам. Он увидел это, прочел все эмоции во взгляде.

– Не бойся, я тебя не трону, – голос его прозвучал глухо и устало. – Но остерегайся моих собратьев, Каменная жрица. Они могут быть жестоки.

Я смотрела на него и пыталась понять: говорит Реннейр всерьез или шутит. Нет, не похоже на шутку. В глазах, внимательных и серьезных, ни капли веселья.

– Почему я ничего не слышала об этой легенде? – спросила, совладав с волнением и крепче сжимая пальцы.

– Возможно, потому что это просто чушь, недостойная внимания, – он пожал плечами. – Так называемые прорицатели любят пудрить народу мозги, а дураки и верят.

– Может, и не чушь. – Мысли завертелись со скоростью шлифовального круга. Сумбур. Просто полный сумбур! – А ты, выходит, не такой, как другие лестрийцы? Тебе не нужна власть и все остальное?

– Я насмотрелся на то, как власть превращает человека в... – должно быть, он хотел сказать что-то грубое, но вовремя опомнился. – Не имеет значения.

– И тебя не влекла возможность?

– Нет.

* * *

Реннейр

Всю жизнь я имел счастье наблюдать, как лорд Брейгар распоряжается властью. Даже если в далекой юности он был другим, то сейчас от этого человека не осталось ничего.

Рамона сидела напротив, затаив дыхание и распахнув глаза. Чужачка с красивым именем, юная, любопытная и совершенно неискушенная. Признаю, в какой-то момент у меня мелькнула мысль о заговоре искателей, но почти сразу разбилась об искренность этой девушки.

Она еще не научилась лгать.

Как я это понял? Не знаю. Прочитал в глазах, наверное. Я назвал антримку глупым ребенком. Сколько ей лет? Восемнадцать-двадцать? Обычно к этому возрасту мои соплеменницы, как и женщины искателей, уже имеют мужа и парочку детишек, какой-никакой опыт и лицо с печатью забот и жизненных тягот. А от этой веяло легкостью, будто она стояла выше мирских проблем.

Каменная жрица. Я знал о ее народе немногим больше других лестрийцев, случалось и раньше встречать служительниц Матери Гор, но все они отличались суровостью и сдержанностью, иногда отрешенностью. Это уважаемая каста среди искателей, вторая после старейшин.

И этот ее обморок – результат использования Дара? В первый момент я даже не понял, что с ней. Показалось, что она начала засыпать, но, когда хрупкое девичье тело стало крениться вбок, я еле успел ее подхватить. Проклятый камень у нее на лбу источал жар, и, особо не думая, я поспешил сорвать украшение.

Странно, но это помогло. Она что-то говорила о каменном древе, а у меня в голове всплыла глупая легенда, в которую истово верил мой отец. Не знаю, кто дернул меня за язык, но я рассказал ее этой жрице.

А сейчас Рамона старательно отводила взгляд. Смутилась, наверное, я слишком внимательно ее разглядывал. Стянула пальцами воротник рубашки и отодвинулась, прислонилась спиной к камню.

– Я слишком мало знаю о вашем народе...

– Тебе же лучше, поверь.

Она недовольно полыхнула глазами.

– Нет, не лучше. Как можно спокойно спать, когда мир вокруг так огромен, загадочен! Разве мы живем не затем, чтобы его познать?

– Один мудрец сказал, что знания приносят лишь печаль.

– Ты что, смеешься надо мной, лестриец?! Хочешь сказать, что лучше оставаться зашоренной дурочкой?

Ее негодование было таким горячим и искренним, что я не выдержал и усмехнулся.

– Ты хочешь открытый? Как те мужи, что бросают свой дом, чтобы сесть на корабль и отправиться в бесконечное плаванье, даже не зная, вернутся ли живыми?

– Я даже моря ни разу не видела, а кораблей тем более. Только на картинках, – она заправила за ухо прядь волос и вздохнула. – Это такие огромные деревянные коробки под парусами. Хотела бы я... поплавать на них.

– Возможно, когда-нибудь у тебя получится.

Рамона махнула рукой и подтянула колени к груди.

– А-ах! Если мы так и будем прятаться за стеной и дрожать от одной только мысли, чтобы высунуть нос наружу, то я так и умру, не повидав и десятой доли всех чудес. Даже сходить в вашу Лестру на ярмарку для меня нереально.

– Там и смотреть нечего. Во время ярмарок в городе шатаются приезжие, грабеж процветает, несмотря ни на какие меры, улицы заполняет пьянь и искатели приключений. Милым девушкам там не место.

– Ну вот. Теперь ты тоже считаешь, что можешь учить меня. – Крылья тонкого носа раздувались от негодования, и Рамона была похожа на маленького, но очень злого зверька. На ежа? Или белку, у которой отобрали орех?

Она упрямо сдвинула брови на переносице и запыхтела. Готов поспорить, щеки ее полыхают огнем: у всех рыжих кожа тонкая и чувствительная. Особенно у девушек.

– Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о моем народе. Он погряз в страхах, старики трясутся за каждый самоцвет, подозревая врага в любом за границами Антрима. А тем временем мы выр... – она внезапно замолчала и поглядела на меня искоса. – Я начинаю думать, что твое пророчество вовсе не чушь, а правда. Просто его от нас скрыли. Я помню книгу, в которой...

– Да что ты говоришь, Рамона из Алого Камня? – вопрос прозвучал едко и саркастично.

В мгновение ока преодолев расстояние между нами, я впечатал ладони в камень по обе стороны от ее лица. Надо отдать жрице должное – даже не дернулась, только глаза распахнула шире, а зубы стиснула.

Наверное, взгляд у меня все-таки безумный.

– Даже не думай об этом.

– Я только...

– О, боги! Зачем я тебе вообще об этом сказал? Еще захочешь связаться с каким-нибудь лестрийцем и... – внезапно я замолчал.

Напряжение натянулось между нами так, что воздух, казалось, заискрился. Она взмахнула рукой, будто собираясь отвесить пощечину, но вместо этого сжала пальцы в кулак и медленно опустила на колени.

– Я ни о чем таком не думала! Ты просто ужасен, – прошептала сердито.

Знаю. Меня не раз упрекали за злой язык.

– Пожалуй, ты права, – добавил невозмутимо. – И да, это я Зверь-из-Ущелья.

Зверь-из-Ущелья.

Тот, от кого отворачиваются жеманные аристократы, боясь, как бы я не запачкал их своей грязью. И дочерям наказывают: не подходите к нему, даже в его сторону не смотрите. Этот человек не достоин стоять с нами рядом, он позор на семейном древе. Он ненормальный. В его венах течет порченная кровь.

– Я всего лишь хочу тебя предупредить, любопытная и доверчивая девочка, чтобы держалась от наших подальше. Не следила, не подходила, не разговаривала. Ты не думала, что я могу убить тебя? Или еще как-то обидеть?

Рамона молчала. Девичьи колени упирались мне в грудь, от чужого тепла не спасал даже слой одежды. Мы находились слишком близко друг к другу, сейчас я нарушал все мыслимые и немыслимые правила приличия.

– Ты бы этого не сделал, – прошептала, не опуская глаз. – Ты пообещал, что не причинишь мне вреда.

– И ты поверила?

Я наклонился чуть ниже, и в ноздри проник аромат ее кожи и волос без намека на притирания, которые так любят лестрийки. По мне, так от них вонь несусветная. Будь на моем месте кто-то другой, особенно верящий в глупые пророчества, то мог уже уложить Рамону на спину и сорвать эти темные тряпки. Потом сказали бы, что сама виновата. Заманила своей красотой, глазами, голосом.

Не стоит перегибать палку, я всегда старался думать головой.

– Да. Я поверила тебе.

Не стыдно, Ренн, вести себя, как скотина?

И вдруг – прикосновение пальцев к подбородку. Рамона из дома Алого Камня вынудила меня посмотреть ей в лицо, и я, странное дело, повиновался.

– Что ты делаешь? – процедил сквозь зубы, но руку ее не сбросил. Не смог.

Просто глядел на нее и видел, как тяжело вздымается грудь, как бьется жилка на шее.

Да эта чужачка такая же ненормальная, как и я! Показалось, что камень сейчас раскрошится под моими ладонями, так сильно на него надавил.

– Хочу рассмотреть тебя, лестриец.

– Зачем? – я перехватил запястье и накрыл тонкие пальцы своими.

– Хочу понять, какого цвета твои глаза. Такие светлые... никогда таких не видела, – завороченно прошептала она.

– Я что, неведомая зверушка для изучения?

– Вы совсем... совершенно, абсолютно не отличаетесь от нас, – тихо-тихо, будто кто-то мог подслушать, произнесла Рамона. – А в детстве я представляла вас почти чудовищами.

– Очень лестно, спасибо.

– Мы все произошли от одного семени, – продолжила она. – Но я все равно не должна была быть там, в пещере Семи Врат. Не должна была смотреть на вас. Не должна быть здесь, с тобой.

Слова ее были похожи на заговор, иначе как объяснить то, что я внимательно ловил каждый звук? Смотрел, как шевелятся губы.

На что будет похож ее поцелуй? Потеряю ли я после него душу?

– Конечно, не должна. И я не должен сейчас с тобой разговаривать, – поборов искушение, ставшее почти неподъемным, отпустил ее руку.

Показалось, или и правда на лице жрицы отразилась досада?

– Но так вышло, что мы встретились. Может, на то была воля Матери Гор? – она набрала в грудь побольше воздуха, будто собиралась с разбегу броситься в ледяную воду. – Расскажи мне о своем мире! Пожалуйста... Кто знает, когда мне снова удастся поболтать с лестрийцем?

Я усмехнулся. Вот неугомонная!

– Я не странствующий бард, чтобы слагать красивые истории. Я вообще разговаривать не слишком люблю... – и осекся, поймав ее умоляющий взгляд.

Вздохнул.

Ну, ладно. Слушай, девочка.

Глава 5. Не принимай близко к сердцу

Рамона

Он рассказывал мне о степи: как ветер колышет волны диких трав, как солнце всходит над золотым полем. Как морские волны с шумом бьются о берег, а чайки кричат на пристани. Я слушала и думала, что не хочу, чтобы он замолкал: его голос, глубокий, сильный, с легкой хрипотцой задевал внутри невидимые струны. И они дрожали, распространяя по телу тепло.

И почему он сказал, что не любит говорить? Наверное, потому, что он не сказочник, а воин, который привык все решать при помощи клинка.

Но еще ничья близость не вызывала во мне столь острого волнения. Оно туманило рассудок, и я несла полную чушь, даже дерзила и упрямо пыталась храбриться. Зверь-из-Ущелья, наверное, решил, что я сумасшедшая.

Уж какая есть! Но странно, что с ним не хочется притворяться и казаться лучше, чем я есть на самом деле.

– Знаешь, жрица, – после недолго молчания начал Реннейр, – тебе бы понравилось в окрестностях Лестры. Каждый год наши ждут праздник Цветущих Маков, чествуют Отца Равнин, гуляют, пьют, веселятся.

– Это красиво?

Он опустил голову, и почудилось, что на лице Реннейра мелькнула улыбка.

– Наверное. По крайней мере, девушки ждут его с нетерпением.

Воображение мигом нарисовало серию красочных картин одну за одной. Как бы мне хотелось туда попасть! Посмотреть на чужие обычаи, изучить новых людей. Я не хотела верить, что они несут угрозу, как бы на этом ни настаивали искатели и сам Реннейр.

– А когда отмечают этот праздник? – спросила осторожно.

– Он совпадает с днем середины лета. А зачем это тебе? – Ренн подозрительно сощурился. Ну, точно зверь!

Я закусила губу и потупилась.

– Неужели маленькая жрица задумала побег?

Я молчала. Только измочалила бедный стебель, который крутила в пальцах, и теперь он походил на зеленую кашу.

– Я уже понял, что у тебя в голове ветер, но об этом и думать не смей.

– Почему? Потому что это... опасно? – я щедро приправила речь насмешкой. Пусть не считает меня трусихой! Я много раз ходила по краю, не боялась спускаться в самые глубокие и темные шахты и взбираться по отвесным скалам.

Ренн полоснул меня раздраженным взглядом.

– Ты даже не представляешь как.

– Значит, мне точно стоит там побывать.

Лестриец измученно вздохнул, медленно поднялся и отер ладонями лицо. А мне вдруг стало тоскливо.

Мы замолчали. Стало так-то неловко, я сорвала новый стебелек и сунула в его рот. Всегда делала так, когда нервничала. Поглядела украдкой на Ренна: он стоял спиной ко мне, глядя вдаль, на заснеженную вершину Одинокого Старца, над которым сияла парная звезда. «А спина у лестрийца красивая», – мелькнула шальная мысль. Увидеть бы без рубашки. Чтобы вырезать такую же из камня, естественно, не для услады глаз.

Но внутренний голос шепнул: *«Да кому ты врешь, жрица? С самого первого мгновения не можешь оторвать от него взгляд, так бы и съела».*

– Поспать нам сегодня, кажется, не судьба. Скоро светает.

Как будто мысли мои прочитал.

– Трава мокрая, – заметил как бы между прочим.

– И что с того, Реннейр?

Мне нравилось произносить его имя. Как будто мы знакомы уже очень давно.

– Придешь вся в росе, еще и на рассвете. Никто не будет интересоваться, где тебя носило? – он обернулся и хитро прищурился.

– Моя семья думает, что я давно сплю. Если бы отец или брат меня хватились, я бы почувствовала.

– А мать?

– Нет ее. Горы забрали.

Почти десять лет прошло, а внутри еще тянет. У нас не принято горевать об усопших, никто не уходит в никуда. Смерти нет.

Главное, повторять это чаще.

– Обещай, что больше не будешь делать глупости. Что забудешь все, о чем я тебе рассказывал. Эти знания не пойдут тебе впрок.

– Поздно, Реннейр, – я тоже поднялась и встала у него за спиной. Моя макушка едва доставала ему до плеча. – Знаешь, почему нас называют искателями? Не потому, что мы добываем камни и металл и думаем лишь о том, как бы поплотней набить сундуки. Самоцветов у нас много, очень много. Так много, что камни почти утратили ценность, главного на них не купишь. Мы ищем истину, чужак. Во всем. В природе вещей, в прошлом и грядущем, друг в друге. Ищем ответы на вопросы.

Он смотрел на меня долго, не мигая. Пытался понять, сколько во мне искренности.

– Рамона... – произнес тихо и так проникновенно, что по рукам пробежали мурашки.

– Да?

– Я надеюсь, ты найдешь то, что ищешь. А теперь нам пора возвращаться.

Последние слова прозвучали жестко, а я вдруг почувствовала себя репейником, прилипшим к подолу. Если во время спонтанной прочувствованной речи вознеслась выше горных пиков, то сейчас грохнулась на землю со всего размаху.

Он хочет от меня избавиться! Я ему надоела.

Противный лестриец.

– Я тоже так считаю. Я уже отдохнула и смогу создать врата для перемещения, – ответила ему в тон и двинулась к скале, не оборачиваясь.

Я чувствовала лопатками пристальный взгляд, и рабочая одежда показалась вдруг страшно неуместной: рубашка чересчур короткая, чтобы закрыть хотя бы бедра, обтянутые перемазанными в пыли штанами. Но день был слишком тяжелым и насыщенным, чтобы я позволила себе бегать туда-сюда в платье. Когда не было публичных обрядов, предпочитала носить то, что удобно и практично.

Камень был холодным и слоистым, когда я коснулась его подушечками пальцев. Над головой нависали клочья бурого мха и топорщились перья папоротника, рядом журчала тонкая струйка водопада.

– Я не прочь освежиться, – Реннейр возник у меня за спиной и, пока не успела возмутиться, оттеснил и сунул ладони под воду. Обрушил себе на лицо и шею, напился. Его совершенно не заботило то, что рубашка вымокла, и ткань прилипла к груди.

– Никто не будет интересоваться, где тебя носило? – старательно пряча взгляд, спросила я.

– Я отчитываюсь только перед лордом. Да и то не всегда, – Реннейр стряхнул со лба последние капли. – Не думаю, что он в курсе моей отлучки. Она останется моей маленькой тайной.

Я тоже останусь его тайной.

Вдруг стало обидно. А что ты хотела, Рамона? Завтра уже забудет.

– Ладно, мне нужно сосредоточиться. Ты ведь не хочешь добираться пешком, лестриец?

– Уж изволь доставить меня на то же место, откуда похитила, – весело ответил он, опершись локтем о скалу и уставившись на меня во все глаза.

И снова я попыталась ощутить пульс горы – пальцы мелко дрожали, я чувствовала это отчетливо. Да еще чужак дышал так шумно, сбивая весь настрой.

По виску скатилась бисеринка пота. Я бегло облизнула губы:

– Ты мне мешаешь.

– Я тебя даже не трогаю.

– Просто не смотри на меня... Отвернись!

Он пожал плечами:

– Как пожелаешь, – и выполнил просьбу.

Отвернувшись, запрокинул голову, сцепив руки на шее и развернув плечи. Смотрел поверх верхушек синих гор, а я...

Украдкой глядела на него и думала: «Лишь бы не оглянулся! А то не успею сделать вид, что занята созданием врат».

Но почему? Откуда во мне такие странные желания? Раньше ничего подобного за собой не замечала.

Меня вдруг холодной волной окатило – опомнись, Рамона! Ты жрица богини-покровительницы. Ты ведь не хочешь навлечь на свою рыжую голову ее гнев?

Этот Реннейр самый обычный, просто недоступность и инаковость всегда влекли неокрепшие и любопытные умы. А так... было б на что поглядеть! Ну высокий, да. Просто огромный по сравнению со мной. Кожа загорелая, обласканная летним солнцем, а рубашка на груди белая, – у нас таких не носят, непрактично, – с закатанными до локтей рукавами. И руки эти – руки воина, а не рудокопа, не ювелира, не кузнеца.

Я фыркнула и помотала головой. Вытряхнуть бы из нее эти мысли, очистить разум и душу, не гневить Матерь Гор. Скоро рассвет: небо над снежными верхушками наливается жемчужной серостью, дрожат тугие бутоны рододендрона, стряхивая остатки дремы. А я, вместо того чтобы просыпаться в своей постели, беззастенчиво разглядываю лестрийца. Уже в который раз.

Матушка Этера бы в обморок упала.

Опустив ресницы, я коснулась лбом шероховатого камня. Просто чтобы отдышаться, успокоиться. А он ожил и поспешил откликнуться – протянул невидимые цепи, сплелся со мной пальцами. Из глубины полилось знакомое тепло и медовый свет.

Я не видела, но знала – Реннейр тоже смотрит. Повернулся все-таки. Сотни кристаллов вспыхнули дружно и радостно, открывая проход для своей сестры.

– Положи руку мне на плечо.

Уверенное тяжелое прикосновение, и снова показалось, что воздух зазвенел.

– Встань ближе... Еще ближе... – во рту стало сухо. – Еще...

Теперь он почти обнимал меня.

– Так достаточно близко?

Рукотворные врата, в отличие от природных, нестабильны, и проведение через них другого человека требует телесного контакта.

– Да, хорошо... То есть достаточно. Только не отпускай меня, держи крепче, иначе можешь застрять в скале и погибнуть.

Мое предупреждение виновато или что-то еще, но ладонь чужака вдруг легла на живот, притянула к себе, стерев и без того тонкую прослойку воздуха между нашими телами. И стало так жаль, что врата не дали мне ни одного лишнего мгновения, чтобы сполна прочувствовать эту близость.

Взмах ресниц – и мы стоим в пустом коридоре.

– Ваши комнаты совсем рядом.

– Знаю, – шепнул мне в затылок.

Он не спешил отпустить меня, а я боялась даже шелохнуться. Все ждала чего-то. Сегодня я дважды использовала врата через короткий временной промежуток и потратила уйму сил: голову вело, во рту пересохло, в ушах шумела кровь, а колени внезапно ослабли. Хорошо, что этот лестриец поддерживал меня, иначе я рисковала неуклюже осесть на пол.

– Я приду на праздник Маков, – сказала я, потому что молчание сделалось совсем уж неловким. К тому же пусть знает о моих планах. На всякий случай. Вдруг тоже захочет...

– Не вздумай, – отрезал коротко и твердо. – Или забыла, о чем я тебя предупреждал?

Поборов себя, я все-таки выскользнула из кольца его рук. Золотые искры портала рассеялись, и темноту освещала лишь дюжина цинний, притаившихся на потолке. Этого было слишком мало, но я все же разглядела искры в его глазах.

– Не надо говорить, что мне делать, чужак, – прозвучало высокомерно, в духе матушки Этеры.

Он лишь плечами пожал.

– Дело твое, маленькая жрица.

И теперь что? Он просто уйдет?

– Если мы еще когда-нибудь встретимся... – горло словно сжала чужая рука, и я шумно вздохнула, – ...ты мне расскажешь, почему тебя называют Зверем-из-Ущелья?

Сухой смешок слетел с губ мужчины.

– Это вряд ли.

– Вряд ли встретимся, или вряд ли расскажешь?

– И то, и другое. А теперь иди спать.

Подавив желание обозвать его противным лестрийцем, я вздернула подбородок. Ну и мрак с ним! Хотела гордо удалиться, но Реннейр уже знакомым движением поймал мое запястье.

– Рамона...

И от этого голоса, от этого низкого волнующего шепота сердце дернулось, толкнулось в ребра, а ноги вдруг задрожали.

– Позволь совет. Не принимай все близко к сердцу, ты еще слишком юна и не видела настоящей жизни, ее грязной порочной стороны. Лучше оставайся в своем мирке и не пытайся спорить со своим предназначением.

Я дернула руку и прижала к груди. От злости, полыхнувшей внутри, стало жарко.

– Мне и без тебя советчиков хватает. Жалею, что вообще тебя встретила!

Закончив гневную речь, я развернулась и бросилась прочь, сразу перейдя на бег и забыв об усталости. Мерцающие огоньки испуганно потухли, и тьма сомкнула вокруг меня утешительные объятия.

А он остался там. Позади.

Остаток ночи я провела, ворочаясь на постели, как на раскаленной сковородке. Что теперь станет с моей жизнью? Встреча с лестрийцем не может просто взять и превратиться в очередную страницу моего прошлого. Я этого не позволю. Не смогу забыть и раствориться в обыденности, служить Матери Гор, носить одежды жрицы и делать вид, что ничего больше не желаю.

А я желала. Теперь я ясно это поняла и не знала, благодарить ли мне Реннейра или проклинять. Пыталась представить, что он делает сейчас, спит ли? Сразу забыл о нашем разговоре и забылся в тяжелой предутренней дреме? Или лежит с открытыми глазами, смотря пустым взглядом в потолок и думая обо мне?

Не принимай близко к сердцу...

Ты еще слишком юна...

ТЬфу! Отличные прощальные слова, ничего не скажешь. И кто из нас еще бессердечный?

Наверное, я просто повзрослела. Знала ведь, что рано или поздно это случится: душа и тело потребуют своего. Матушка Этера предупреждала нас, молоденьких жриц, которые еще не прошли посвящение и не связали свою жизнь с каменным древом нерушимыми узами, если начнут донимать странные желания, обратиться к Матери Гор и молить ее помочь в борьбе с искушением.

Или сообщить самой Верховной, та прекрасно знала, как вернуть непутевую дочь на путь истинный и выбить из нее дурь. В какой-то момент я испугалась: а что, если во мне пустило корни самое настоящее зло, опасное и бесконтрольное? Что если правда стоит все рассказать...

Нет! Это не выход. От злости и отчаянья я вгрызлась в уголок набитой травами подушки.

Если покаюсь перед матушкой Этерой, моя относительная свобода окажется под угрозой. С меня глаз не спустят или вообще под замок посадят, а ходить буду только с сопровождением и каждый день выворачивать душу перед алтарным камнем.

Нет уж, воспоминание о ночи и разговоре с мужчиной из Лестры я сохраню в памяти, как драгоценную искру.

Хоть ей и не суждено превратиться в пожар.

Глава 6. Уроки матушки Этеры

Рамона

Бессонная ночь давала о себе знать: я давила зевки и украдкой терла глаза. Старалась не думать о том, что в моем доме до сих пор гостят люди с равнины, не представлять, о чем сейчас говорят и чем занимаются.

Интересовал меня, по правде говоря, лишь один человек. Тот, кто посоветовал не принимать все близко к сердцу, а я, будто назло, пошла наперекор.

– Прекращайте разговоры! – прогремел строгий голос матушки Этеры, и она зазвенела бронзовым колокольчиком. – Урок продолжается.

Одной из обязанностей жриц было обучение детей родовому искусству и истории нашего народа. Сегодня здесь собрались шумные болтливые пятилетки – всего несколько дюжин. С каждым годом детей рождалось все меньше, а старики шептались по углам, что мы вырождаемся, да и вообще конец света близок.

Запылали кварцевые светильники, тени выткали на стенах узоры. При должной фантазии можно было разглядеть в них зубастых чудовищ или подгорных духов: горбатых, хромых, с длинными тонкими лапами. Когда-то я их боялась.

Детишки уселись полукругом, перед ними в каменном кресле – Верховная, и я за ее спиной. В последнее время она часто требовала сопровождать ее. С чего бы? В голове так некстати закрутились обрывки подслушанного разговора между матушкой Этерой и моим отцом. Неужели он хранил в себе зерно истины? И неужели это не просто честолюбивые мечты жадного старика?

Каждый раз, когда я об этом думала, под ногами разверзалась пропасть без дна. И я летела в нее, беспомощно размахивая руками.

Я поехала и переступила с ноги на ногу. Показалось, будто тени вокруг стали гуще, направились ко мне.

– Миром правили древние боги, – звучал монотонный голос Верховной жрицы, – они поделили между собой реки, лес, пустыню, горы, равнины и край вечной мерзлоты. Льенна, как их называют?

Девочка с туго заплетенными косами и большими испуганными глазами подскочила как ужаленная и затараторила:

– Мать Гор, Мать Снегов, Отец Пустыни, Отец Всех Вод, Мать Лесов и Отец Равнин, – слова отскакивали от зубов, словно ее много раз заставляли это повторять.

– Верно, дитя, – Верховная удовлетворенно кивнула. – Потом наша светлая богиня выросла из своей крови каменное древо, и нет на свете ничего крепче. Оно проросло глубоко под землей, ветви и ствол его удерживают Западные горы, а корни питаются подземным огнем. Кто знает, что было дальше?

Это знали все еще с колыбели, каждый родитель считал своим долгом предостеречь дитя и внушить страх и недоверие к нашим заклятым друзьям. Истории и легенды испокон веков передавались из уст в уста.

– Однажды она полюбила Отца Равнин, и силой ее любви каменное древо зацвело, – начал мальчишка с забитым носом. Он поднялся с места, шмыгнул, утерся рукавом и продолжил: – А потом из алых, как кровь, цветов появились первые искатели.

В детстве я не раз представляла себе эти события, они кружили в голове, словно цветная сказка из книги, которую мама однажды принесла с лестрийской ярмарки. Только отец разгневался, увидев ее, и куда-то спрятал. Или сжег.

– У других богов дети были?

– Да, были. Например, Отец Равнин оросил своей кровью пшеничное поле, и из него, как семена, проросли воины и землепашцы.

Верховная слушала, сложив руки на животе и милостиво кивая. Потом взяла слово.

– Но счастье нашей богини было недолгим, – Матушка Этера опустила руки на подлокотники и сжала. Голос ее наполнился осуждающими нотками. – Коварный Отец Равнин использовал ее любовь, а после разбил сердце. Мать Гор в отместку прокляла его детей, – жрица, как коршун, оглядела собравшихся. – Они стали обычными, и очень редко в ком-то из них вспыхивал Дар. Все-таки богиня была женщиной, разбитое сердце долго болело и начало гаснуть, и однажды она не смогла вынести этой боли – ушла в земную твердь, отдав последние силы дереву, растворившись в нем. Оно питает и защищает наши горы, скрывает Антрим от глаз чужаков, а в уплату жрицы постоянно делятся с ним своими жизненными силами, своим драгоценным Даром. Мы не должны допустить, чтобы жертва богини забылась, не должны повторить Ее ошибку.

Малыши слушали, затаив дыхание и даже перестав моргать. То ли история их так увлекла, то ли просто боялись главной жрицы, ее сурового тона и ледяного взгляда.

– Такова Ее воля. Мы должны остерегаться тех, кто живет вне нашего мира, кто улыбается в лицо, пряча за спиной топор.

Даже меня от слов Верховной пробрала дрожь, что уж говорить о маленьких детях!

– Они такие же злые, как их грешный бог. Если бы не защита, которую поддерживают жрицы, они давно бы извели нас под корень.

А мне верить в это не хотелось. Сердце твердило, что на равнинах есть прекрасные, добрые, милосердные люди. И как в насмешку память услужливо подкинула образ светлоглазого лестрийца.

Зверя-из-Ущелья.

Но разве назовут хорошего человека Зверем?

В раздумьях я не заметила, как закончился урок, и малышня торопливо покинула зал. Вдруг запястье полыхнуло, будто на него плеснули кипятком – серебряный браслет сообщил, что отец требует меня к себе. Сейчас же.

– Матушка, позвольте покинуть вас, – я продемонстрировала светящийся сапфир и коротко поклонилась.

– Старейшина Роран сейчас с лестрийцами, – она нахмурилась и недовольно поджала губы. – Что ему от тебя нужно?

Сердце забилося чаще. Зачем я понадобилась отцу именно сейчас? Что-то произошло? Думаю, причина серьезная, иначе бы меня не трогали.

– Я не знаю. Но послушаться не могу.

Она понимала это. Воле старейшин не противятся. Девять мудрых мужей испокон веков управляют Антримом, как заботливые пастыри защищают и наставляют нас.

– Не нравится мне это, – она хлопнула ладонями по подлокотникам и решительно поднялась. – Вот что, Рамона. Я иду с тобой.

Матушка Этера была из тех, кто выступал против приглашения чужаков во главе с лордом Брейгаром в наш дом. «Это как запустить мышей в амбар», – говорила она.

– Вы не доверяете мне?

– Я не доверяю чужакам.

Новость не вызвала у меня восторга. Но Верховную тоже можно понять: она в ответе за каждую воспитанницу, да и, в конце концов, кто я такая, чтобы спорить с ней? Даже посвящение пока не прошла.

– Не думаю, что кому-то из них может прийти в голову причинить мне вред, – заметила осторожно.

– Тебе вредно много думать, – одернула матушка, сверкнув глазами с веерами черных ресниц.

Иногда я думала, что она была красивой в юности, даже сейчас тень этой красоты читалась на лице. Но вечно строгое и недовольное выражение делали ее похожей на каменную статую.

– Пешком отправимся. Не будем тратить силы на врата.

Пешком так пешком. Разве можно отказать Верховной в удовольствии позлить отца задержкой? Уже много лет замечаю между ними негласную вражду – оба властолюбивые и слишком гордые, чтобы кому-либо подчиняться.

Эх, а сами говорят, что все это пороки, которые надо безжалостно давить в себе, как и жадность, и страсть, и много чего еще. Поговорка о бревнах в глазу – явно о них.

– Что ты летишь, как девчонка босоногая? Не терпится снова увидеть этих чужаков? – едко осведомилась матушка Этера.

Как у нее удастся так хорошо меня стыдить? Что мигом вспыхивают уши, и хочется провалиться сквозь землю.

– Ты не ребенок уже, Рамона. Пора взрослеть.

И мы пошли чинно, степенно, сложив руки на животе. Сначала – матушка, а я – на шаг позади. Лицо бесстрастное, подбородок выше, не забывать приветствовать собратьев снисходительными кивками. Пусть любят и трепещут перед жрицами, но близко подходить не смеют.

Сегодня я была одета не в простую одежду, перемазанную горной пылью, а в нарядное жреческое платье. Темно-красное, под цвет маков, шитое золотой канителью, с россыпью самоцветов на подоле. Когда я шла, он раскрывался подобно лепесткам, являя нижнюю юбку цвета осенней листвы. Наряд закрывал меня от подбородка до мысков сапог, волосы были убраны наверх и переплетены нитями каменного бисера, на шее и руках – ворох амулетов.

Интересно, Реннейр тоже там? С моим отцом и лордом?

Сегодня он увидит меня одетой, как женщина, а не как беспризорный мальчишка. От этой мысли в груди стало горячо, и я опустила глаза в пол, чтобы Верховная не уловила даже отголоска моих мыслей.

Когда бесконечная вереница коридоров и переходов осталась позади, перед нами раскрылась арка, за ней – просторный зал с круглыми окнами из тончайших каменных пластин. Солнечные стрелы пронзали их, и на стенах играли лиловые и голубые всполохи. Матушка Этера, полная достоинства, первой шагнула внутрь. Я – неуверенно семеня, за ней. Смелость покинула меня, стоило переступить порог.

Потому что первым, кого я увидела, был Ренн.

Он стоял за спиной своего лорда, как неподвижный страж, сложа руки за спиной и гордо развернув плечи. На миг я залюбовалась точеным профилем и забыла, как передвигать ноги. Каким-то чудом не распласталась на полу, запнувшись о подол. Вот было бы зрелище!

Он с бесстрастным выражением лица повернул голову в мою сторону, скользнул взглядом так, будто не вспомнил... А потом наши взгляды пересеклись.

Сразу стало душно, и меня бросило в жар. Узнал все-таки! Глаза расширились в изумлении, а я наконец-то разглядела их цвет.

Как вода в горном ручье. Прохладно-синие – таких я ни у кого еще не встречала. А на контрасте с темными волосами и загорелой обветренной кожей – и вовсе невероятные.

– Верховная! – раздался зычный голос отца, вырывая меня из оцепенения. – Ты тоже решила почтить нас своим присутствием? Неужели в святилище закончились дела?

Жрица не обратила внимания на колкость, лишь выше вздернула подбородок.

– Мои дела закончатся тогда, когда горы заберут себе мое тело.

Пока они обменивались любезностями, я огляделась. Все девять старейшин были здесь, восседали в креслах, и лорд Брейгар занимал среди них почетное место. Сейчас, когда я смогла разглядеть его ближе, в глаза бросились уже знакомые черты: нос, губы, подбородок.

– Это моя дочь. Ее целительский дар не знает себе равных, – гордо произнес отец, бросив кивок в мою сторону.

Он нечасто меня хвалил и сейчас просто хвастался одаренной дочерью: смотрите, я владею сокровищем! Завистливые или восхищенные взгляды ему что мед, а я – вещь.

Я ведь не Орм.

– Помощь Каменной жрицы будет для нас честью. – Я чувствовала изучающий взгляд лестрийского правителя и старалась не смотреть на человека за его спиной. Опасно это. Незачем показывать интерес к Реннейру, это может плохо кончиться для нас обоих.

Другой старейшина взял слово:

– Сын нашего дорогого гостя повредил ногу. Матушка Этера, позволите ли вашей воспитаннице провести ритуал?

Я физически чувствовала недовольство Верховной, потому что разрешение у нее спрашивали лишь формально.

– Не вижу причин отказывать, – сухо кивнула жрица и отошла в сторону.

Только сейчас я заметила сидящего на скамье у стены юношу примерно моего возраста. Того самого, с «желтыми» волосами. Он был бледен, по лбу горошинами катился пот, губа подрагивала. Пострадавшую ногу парень вытянул вперед: боль терзала его, но лестриец пытался храбриться.

Да уж, бедолага. В горах с непривычки можно не только ногу сломать, но и шею. Представляю, как ему, наверное, стыдно показать слабость на глазах у всех. Наверняка и лорд наедине потом всыплет за то, что опозорил и заставил помощи просить.

Я поймала взгляд отца, тот сделал знак бровями, мол, поторапливайся.

Не говоря ни слова, приблизилась и опустилась на низкий табурет у ног сына лорда. Чувство, что все взгляды сейчас устремлены на меня, как и чужая нежеланная близость, нервировали.

Я часто оказывала помощь искателям и успела в этом поднатореть: лечила, помогала в родах, заживляла раны, полученные в штольнях и в мастерских. То невнимательный юнец палец молотком пришибет, то обожжется, то о режущий диск поранится. Дар целительства, как и дар врат, считался редким у искателей. Иногда я недоумевала: за какие заслуги или провинности мать Гор наградила меня ими.

– Мое имя Демейрар Инглинг, – сообщил сын Брейгара вполголоса. – Я награжу тебя за услугу, жрица. Щедро награжу.

– Мне не нужна награда.

Мой ответ ему не понравился – сын лорда недовольно дернул краем рта и нахмурился. Матушка Этера говорила, что мужчинам нравится притворяться великодушными, посылать щедрые дары и сулить помощь, но стараются они не ради тебя, а ради удовлетворения собственного тщеславия. Им нравится возводить себя на пьедестал и видеть полный восхищения женский взгляд. Ведь так приятно быть героем в глазах слабой и глупой женщины.

После нравоучений Верховной хотелось спрятаться в дальний угол и носа оттуда не показывать, чтобы не дай Матерь не наткнуться на сильного представителя рода человеческого.

Но на размышления не было времени. Я сняла с пояса мешочек. Внутри хранились самые нужные и полезные артефакты, я почти не расставалась со своими сокровищами и верными помощниками. Здесь не все, но самое главное: и кровь остановить, и заразу уничтожить, и боль унять.

Оказалось, что Демейрар оступился и порвал связку на лодыжке. Нога в этом месте распухла и налилась синевой. Выудив из мешочка амулет, золотую спираль с дымчатым кварцем в середине, я приступила к лечению.

Камень мягко светился, когда я читала молитву Матери Гор, прося исцелить этого человека. Держала артефакт за цепочку, и спираль вращалась, забирая боль, собирая из моих жил целительную магию и вливая ее в конечность Демейрара.

Я не отрывалась от процесса, но чувствовала, что юноша безотрывно на меня глазеет. Это было неприятно. Все наши знали, что жрица – не женщина, не объект для вожделения, не украшение дома. Она не жена никому, но сестра для всех. Хотя, повзрослев, я украдкой ловила на себе заинтересованные мужские взгляды.

«Если бы не твое предназначение, давно была бы замужем», – так говорили подруги, вздыхая.

Эта мысль кольнула сердце тонкой иглой. Как и то, что за спиной, в паре десятков шагов, стоял Зверь-из-Ущелья и делал вид, что не знает меня. Интересно, как бы отреагировали собравшиеся, узнай они о нашей ночной встрече? О, был бы скандал, определенно.

Даже захотелось посмотреть на вытянувшиеся лица матушки Этеры и отца.

«Не принимай близко к сердцу...»

И снова эти слова вышибли воздух и спустили на землю с небес. Память была немилосердна к пустым девичьим мечтам.

Увязнув в своих мыслях, я не сразу поняла, что плеснула слишком много сил, и магия едва не опалила Демейрару ногу. Но отек уже сошел, а кожа вернула здоровый розовый цвет – теперь он обязательно поправится. Юноша подвигал ногой, показывая, что все в порядке.

– Я закончила. Еще немного поболит, но заживет быстро, – убрав артефакт в мешочек и стараясь лишний раз не смотреть на сына лорда, сцепила руки на животе и отошла.

Слова одобрения и восхищения пронесли мимо меня, мне попросту не было до них дела, потому что я, ища поддержку в лице Верховной, обнаружила кое-что интересное. Матушка Этера не мигая глядела в сторону лестрийцев. На первый взгляд ее нельзя было ни в чем заподозрить, но я давно научилась читать эмоции жрицы, даже те, что она пыталась скрыть от всех.

Она смотрела на кого-то из чужаков. Смотрела так, будто пыталась что-то понять или вспомнить. Пальцы ее с силой впивались друг в друга, плечи были напряжены, губы побелели.

В чем дело?

Но разгадать эту загадку не получилось, отец жестом сделал знак – свободна. И не было ни малейшего шанса воспротивиться. Уходя, в последний раз обернулась на Ренна, стараясь запомнить, запечатлеть в памяти его образ.

Как же быстро все произошло. Слишком быстро! Я не успела опомниться, не успела осознать, а тут и расставаться пора.

Лестриец метнул на меня быстрый взгляд – сухой, как выжженная солнцем трава. Отвернулся. Стараясь не дать волю странной горечи, я вежливо кивнула и поспешила на выход. Когда меня окутал спасительный полумрак коридора, прислонилась к стене и опустила веки.

Сердце бахало где-то в районе горла, и я боялась им подавиться.

– Тебе плохо, дитя? – подоспевшая жрица положила ладонь мне на лоб и цокнула. – Много сил потратила на лечение. Не заслуживают того чужаки, – последнее добавила уже шепотом.

И слава Матери Гор, что она не догадалась об истинной причине моей слабости.

Глава 7. Книга Пророчеств

Реннейр

Искатели провели нас через врата за границы Антрима. И теперь, глядя на окутанные сизым туманом горные пики, никому бы и в голову не пришло, что где-то рядом затаился древний город. Если ты чужак, то, как ни кружи, как ни ищи, Матерь Гор задурит голову и отведет взгляд. Никому не найти дорогу в Антрим, если на то не будет воли его детей.

Кобыла нервно прядала ушами – чуяла присутствие древней магии. Весь воздух над Западными горами был пронизан ею, и, останавливаясь на привал, порой казалось, что за тобой следят десятки и сотни чужих глаз.

– Надо торопиться. Тучи сгущаются, – произнес лорд, поравнявшись со мной.

Погода здесь менялась по десять раз на день, но, несмотря на затянувшуюся небо хмарь, правитель выглядел довольным. Много лет он грезил увидеть скальный город, и теперь мечта сбылась.

– Да, господин, – я кивнул и тронул пятками Чалую. Если поторопимся, то уже через трое суток будем в Лестре.

– Реннейр! – вдруг окликнул меня лорд. – Тебе ничего не показалось странным? Ты ничего... не почувствовал?

Тон его заставил напрячься, и я невольно прислушался к ощущениям.

– Человеку с равнин здесь все кажется чужим и странным, мой лорд, – ответил как можно равнодушной, и господин нахмурился.

– Ладно. Оставим это.

Я пожал плечами и смахнул со щеки мелкую дождевую каплю. Почему лорд задал этот вопрос именно мне? Не мог же он догадаться о моей маленькой рыжеволосой тайне?

Стоило лишь вспомнить о ней, как в груди стало тесно. Я считал, что поступил правильно, велел Рамоне ничего себе не воображать, но вопреки здравому смыслу чувствовал: надо было мягче. Да и вообще... не привык я общаться с такими, как она. Сантименты – не мое.

Сегодня я узнал ее не сразу: степенная жрица, закованная в жесткое алое платье, как в броню, с забранными волосами и напудренным лицом, ничем не напоминала вчерашнюю растрепанную девчонку в штанах и рубахе. А потом она подняла взгляд, и...

Я пропал.

Жрице с медовыми глазами не нужны ни стрелы, ни лезвия, чтобы ранить. О, она в совершенстве овладела исконно женским оружием, даже если сама об этом не подозревала. Огромных усилий стоило делать вид, что я вижу Рамону впервые, что не было нашего странного разговора и сумасшедшего притяжения. Безучастно смотреть, как она лечит Дема, а тот поедает ее голодным взглядом.

Пальцы хрустнули: так сильно сжал кулаки.

Боги, неужели заревновал? Она Каменная жрица, дочь гор, которая никогда не станет моей даже на одну ночь. Это настолько нелепо, что нет сил даже посмеяться.

– Эй, Зверь, ты меня слышишь? – раздался оклик Варди, и я повернулся. – Тебя не дозовешься! Даже если бы меня сожрал медведь, ты бы вряд ли обратил внимание, – проворчал друг и потер бороду. – В облаках витаешь?

– Чего хотел, Варди?

Образ Рамоны отпечатался под веками и, глядя на друга, я видел только ее. Вспоминал взгляд, когда она слушала мои рассказы о Лестре, жадность, с которой она впитывала каждое мое слово. Вот уж не думал, что с женщиной может быть приятно просто разговаривать.

– У тебя сейчас лицо, будто тебя заворожили подгорные духи, – северянин усмехнулся, сверкнув золотым зубом. – Ты оставил свою душу в Антриме?

Да, наверное. Потому что больше всего на свете хотелось повернуть Чалую и пуститься вскачь по запутанным горным тропам, упасть перед воротами тайного города. Сбивать кулаки о скалы, чтобы еще хоть раз увидеть ее. Попрощаться. В последний раз велеть беречь себя и не забивать голову глупостями.

Дурак! Поддался чарам Каменной жрицы, как сопливый юнец. И в то же время я отдавал себе отчет в том, чем вызвано это странное влечение.

Недоступность. А недоступное всегда манит.

– Хватит чушь нести, – огрызнулся я.

– Кстати, Зверь, – как ни в чем не бывало продолжал болтун. – Помнишь ту рыженькую чаровницу, что вылечила малыша Демейрара? Все мужики шеи посворачивали, когда она вошла. Я и сам... Эй, да хватит тебе! Чего волком смотришь?

Наверное, у меня на лице сейчас выражение, которое заставляет шарахаться всех, кто рядом стоит.

Совсем рядом зарокотал первый громовой раскат. Порыв ветра сорвал подпаленные солнцем буковые листья и закружил их в воздухе – один осел на всклокоченной башке северянина.

– И все-таки хороша девица, – закончил Варди с похабной усмешкой, будто о чем-то догадался, и направил лошадь вперед.

А мне показалось, что он заляпал своими словами до блеска натертый хрусталь.

* * *

Рамона

Лестрийцы покинули Антрим вчера, а у меня внутри поселилась странная пустота, будто отняли что-то важное и нужное. Конечно, у меня не было больше ни единого шанса увидеть Реннейра и поговорить с ним, но в ушах все еще стоял его голос. Перед глазами – картины, порожденные рассказами о земле, где он родился. Красочные и невозможные, такие же буйные, как мое воображение.

У него уверенная и правильная речь – видно, лестриец получил хорошее образование. Не то что наши парни, которые и трех слов связать не могут, когда к ним обращаешься. Мямлят, отводят глаза и краснеют, как девицы на выданье.

В глубине души я понимала, что именно непохожесть и недоступность Ренна влекли меня к нему. Помню, в одной из книг я читала притчу о запретном плоде, но только сейчас начала понимать, насколько она верна. Кстати, о книгах...

Не предупредив ни отца, ни Орма, я в гордом одиночестве шагала в одно знакомое с детства место. Надо ведь попытаться выяснить правду о том самом пророчестве? Ребенок человека с равнины и Каменной жрицы, хмм... Должно случиться что-то из ряда вон, чтобы это предсказание сбылось.

Книгохранилище построили на вершине Агатовой башни, что смотрела на пик Мира – это почти на другом конце города. Через окна, забранные слюдяными пластинами, лились солнечные лучи, рисуя на полу причудливые узоры.

Я всегда любила царящий здесь запах чернил и бумаги, тисненой кожи и книжной пыли. В детстве мы приходили сюда с мамой, и она, разложив на столе увесистые тома с описаниями камней, читала мне вслух. Даже сейчас кажется, что ее стройная фигурка выпорхнет из-за стеллажа и позовет меня по имени.

– Рамона? Ты что-то хотела, дитя? – обратилась ко мне матушка Вестия – хранительница книг.

Она сидела за круглым каменным столом, окруженная кипами бумаг, и что-то писала. Матушка Вестия была самой старой из жриц, но время щадило ее – сохранило спину ровной,

а походку бойкой. Рядом с ней притулилась совсем юная сестра-помощница с капелькой чернил на вздернутом носу. Девчушка улыбнулась мне приветливо и, кряхтя, подтянула к себе огромный «Свод законов и правил».

– Да. Я хотела почитать Книгу Пророчеств.

На какой-то миг глаза Вестии расширились, но она быстро совладала с удивлением.

– Третий сектор, верхняя полка, – ответила равнодушно и углубилась в работу.

Я прошла мимо орудующих метелками для пыли жриц – те, завидев меня, отвернулись и тихо зашептались. Обо мне ли? Я знала, что многие завидуют моему привилегированному положению и не упускают возможности перемыть кости. Впрочем, их мнение меня мало заботило. Пусть болтают, я привыкла.

Стараясь не сильно стучать каблуками, я двигалась в поисках нужной полки. Пол здесь был вымощен синими и белыми плитами, и по старой детской привычке я ступала только по синим – когда-то Орм сказал, что, если буду ходить по белым, подгорные духи утащат меня в свои чертоги и никогда не выпустят на свет. И я, наивная, долгое время ему верила!

Прямо передо мной выросла скульптура: раскрывшийся цветок из алого камня, в центре которого сладко спал младенец. Первый искатель, дитя, рожденное Матерью Гор. Композиция всегда притягивала к себе взгляд, но сегодня у меня не было времени ею любоваться.

Передвинув приставную лесенку и придерживая платье, я поднялась к верхней полке. А вот и знакомые темно-серые корешки! Для удобства книгу разделили на пятнадцать томов: они включали в себя накопленные за долгие годы пророческие сны и предсказания, которые Мать Гор посылала своим дочерям. И каждое отпечатывалось на зачарованной бумаге в память потомкам. Магия такая древняя и сильная, что при мысли о ней начинала кружиться голова.

Ох, а вот и то, что нужно!

Я развернула книгу, не спускаясь с лестницы – так сильно было нетерпение! Последний раз я держала его в руках больше шести лет назад, еще тогда меня удивила одна вещь, но спросить было не у кого. Матушка Этера как раз пребывала в дурном настроении, а потом как-то забылось.

Толстые желтые страницы, исписанные рукой самой богини, перелистывались неохотно, словно не желали открывать свои тайны. Темно-золотые буквы бежали ровными строками, едва заметно вспыхивали, когда я касалась их пальцами.

Наконец, взгляд зацепился за едва заметную бахрому на стыке восьмьсот первого и восьмьсот третьего года от Цветения каменного дерева. Ее и не увидишь, если намеренно не присматриваться, но у меня всегда было отличное зрение. А здесь явно кто-то вырвал лист и плохо замел следы.

Странно? Интригующе? Не то слово!

Сердце гулко ударилось о ребра, и на несколько мгновений я перестала дышать.

Это то, о чем я хотела сказать Ренну, а он даже слушать не стал. Я не могла знать наверняка, но что-то подсказывало – именно на недостающей странице когда-то было записано пророчество о ребенке Каменной жрицы и человека с равнин.

Хранительница сидела ко мне спиной и даже головы не повернула.

– Матушка Вестия, – я уложила книгу на стол, и во рту вдруг стало сухо. В горле стоял тугой ком. – Я давно обратила внимание, что здесь листа не хватает.

– Ну... – помедлила она с ответом, внимательно осматривая след пропавшей страницы. – Ну и что?

Ну и что?! Разве так должна реагировать хранительница на столь варварское обращение со священной книгой?

– Я думала, может, вы в курсе, что здесь было написано?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.